

Светлана
АЛЕШИНА

Двуликий
ангелочек

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Двуликий ангелочек (сборник)

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Двуликий ангелочек (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
1999 — (Папарацци)

«...– И? – спросила она.– Что «и»? – не поняла я.– И что из того, что вы репортер? Сказано было это таким тоном, что я почти услышала, как в голове у нее промелькнуло произнесенное ею вслух начало фразы: «Объясняю для бестолковых!» Я вздохнула. Не люблю связываться с людьми, которые бросаются защищать то, на что никто и не думает покушаться.– Из этого следует одна очень простая вещь, – ответила я. – Если бы вы хотя бы иногда читали «Свидетеля», то сразу поняли бы, что мое появление здесь продиктовано не праздным любопытством. И быстро сообразили бы, что у нашей редакции есть своя версия относительно вчерашнего происшествия и она сильно отличается от той, которой придерживается милиция... А если конкретнее, то мы сомневаемся, что вчера здесь произошло самоубийство...»

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Двуликий ангелочек	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Алешина

Двуликий ангелочек (сборник)

Двуликий ангелочек

Глава 1

Последние дни мне совершенно не хотелось работать. Привыкнув к мысли, что моя газета «Свидетель» держится исключительно на мне, я вдруг поняла, что последние номера выходили практически без моего участия. Опытнейший Сергей Иванович Кряжковский, который формально числился у меня ответственным секретарем, на деле руководил работой всей редакции. Он давал задания корреспондентам, правил материалы, заказывал снимки нашему фотографу Виктору, ругался с корректорами, пропускавшими ошибки, договаривался с типографией о переносе графика печатания тиража, принимал посетителей, все это успевал, а мне приносил только готовый номер, чтобы я подписала его в печать.

Что самое удивительное, меня это нисколько не раздражало, хотя я и видела, что газета за несколько последних выпусков немного изменилась. Но я не могла бы сказать, что изменилась она в худшую сторону. Пожалуй, наоборот. И редакция стала работать спокойнее, прекратились авралы, которыми при моем руководстве сопровождался выпуск каждого номера. Тираж не падал, и мы прочно удерживали тридцать тысяч экземпляров. Начал работать даже рекламный отдел, до которого у меня никогда руки не доходили. Прибыли вполне хватало на расчеты с типографией, на гонорары, зарплату и бумагу для следующего номера.

Короче говоря, «Свидетель» превратился в стабильно работающую газету, информации которой читатели доверяли и уже не искали в каждом ее номере сногсшибательной сенсации, как было еще недавно. Да, сенсации стали появляться у нас не часто, зато прибавилось аналитических статей, которые выходили у Кряжковского просто превосходно. Ему даже и материал не нужно было собирать, настолько хорошо он знал жизнь нашего Тарасова. Он все успевал, руководил людьми четко, номера выпускал без срывов и без серьезных фактических ошибок. Претензий к нему у меня не было никаких. Ну, проскакивало иногда вместо слова «можно», например, слово «модно» или там вместо «прибыл» – «прибил», так ведь от таких ошибок избавиться, по-моему, практически невозможно. Они случались у нас всегда и всегда, наверное, будут.

Претензии у меня были к самой себе. Я впала в апатию, тихо себя за это ненавидела, но сделать с собой ничего не могла. Моя секретарша, Маринка... Да какая она, впрочем, секретарша! Она моя подруга, и я ей простила бы, если бы она устроила мне взбучку и заставила встряхнуться и начать работать в полную силу. Но она, принося мне кофе, который я поглощала стаканами и все равно часто впадала в какое-то подобие спячки, только хмурилась, поджимала губы и укоризненно вздыхала.

Что-то было не так в моей жизни, и я уже начала думать, что журналистика не для меня. Когда мы готовили наши сенсационные номера, меня гораздо больше увлекал процесс сбора материалов, чем все то, что начиналось после этого в редакции.

Я кисла, сидя в своем редакторском кресле, и тихо радовалась, что меня мало последнее время беспокоят. Работают люди и пусть работают, а я посижу, с мыслями соберусь, газету свою почитаю. А то она в последнее время немножко чужая для меня стала.

Принявшись читать Ромкин репортаж о налете милиции на подпольный завод по производству «левой» водки, я порадовалась явным успехам моего «крестника» в журналистике, но опять задремала в кресле, так и не дочитав до конца.

Разбудил меня телефонный звонок.

Я с досадой посмотрела на свой сотовый, лежавший на столе, и протянула к нему руку.

«Кто бы это еще?» – подумала я раздраженно. Номер свой я не разрешала никому давать, только в случае крайней необходимости. По редакционным делам Маринка всех переключала на Сергея Ивановича. Если уж звонят мне – это означает, что кому-то понадобилась именно я.

– Бойкова, – ответила я тусклым голосом до конца не проснувшегося человека. – Ольга Юрьевна. Редактор газеты «Свидетель». Представьтесь, пожалуйста.

Эти фразы ввелись в меня до автоматизма, и сейчас я повторила их совершенно машинально, хотя в этом, судя по всему, никакой необходимости не было. Раз звонили на мой телефон, значит, знали, кому звонят.

– Алло! – сказала я, раздражаясь на саму себя. – Кто это?

– Простите... – Низкий женский голос в трубке звучал неуверенно. – Я, собственно... Не знаю, удобно ли к вам обращаться...

– Кто это? – повторила я уже не столько с раздражением, сколько с недоумением. – Что вы хотите?

– Помогите мне, Ольга Юрьевна... – сказала вдруг женщина, и мне показалось, что она плачет там, у своего телефона.

Я, честно говоря, растерялась. Я выпрямилась в своем кресле, отодвинула чашку с недопитым кофе и посмотрела в зеркало на стене. На меня смотрела очень симпатичная, спору нет, хотя и весьма сонная физиономия.

– Кто это? – повторила я в третий раз, но уже мягко и осторожно. – И чем, собственно, я могу вам...

– Меня зовут Ксения Давыдовна, – сказала женщина. – Понимаете, Ольга Юрьевна, я не верю, что моя девочка могла это сделать...

– Подождите, подождите, – перебила я ее. – А что, собственно, она сделала?

«Привязалось ко мне это дурацкое слово! – рассердилась я на себя. – И вообще, почему я ее об этом спрашиваю, мне нужно было спросить, почему она звонит именно мне?»

– Она выбросилась с одиннадцатого этажа... На асфальт... – Теперь женщина точно плакала. – Она не могла этого сделать.

– А... – Я хотела спросить, чем я могу ей помочь в таком случае, но Ксения Давыдовна меня перебила.

– В милицию я уже обращалась, – сказала она, всхлипывая. – Они не верят. Они говорят, что это типичное самоубийство. Но она не могла этого сделать!

Я уже пришла в себя, но в ситуации так и не разобралась пока.

– Так это было не самоубийство? – спросила я. – Тогда что же, несчастный случай?

– Я не знаю, как это случилось! – воскликнула женщина. – Но это не самоубийство и не несчастный случай!

– Вы хотите сказать, что вашу дочь убили? – спросила я. – Я правильно вас поняла?

– Правильно, – прошептала она в трубку. – Убили моего тихого ангелочка...

– Что, простите? – не поняла я. – Вы что-то сказали?

– Ее звали Гелечка, – сказала Ксения Давыдовна. – Ангелина. Я не знаю, кому это понадобилось. Она была тихой и ласковой девочкой...

– А мне вы звоните... – начала я в надежде, что она продолжит, и не ошиблась.

– Чтобы вы разобрались, – сказала она.

– Чтобы я нашла убийцу? – спросила я с некоторым удивлением. Я всего однажды попыталась работать частным детективом, но из этого вышла целая история, в которой принимала активное участие вся редакция.

– Не знаю, – пробормотала она. – Наверное.

– Но... – протянула я, собираясь отказаться, но она меня перебила.

– Я заплачу! – воскликнула она нервно. – Я заплачу столько, сколько вы скажете! Для меня это не существенно. Но я не могу думать о том, что ей со мной было плохо! И не думать об этом – тоже не могу! Вы меня понимаете?

– Понимаю, – пробормотала я, представив, как терзается мать, считая, что она чем-нибудь спровоцировала дочь на самоубийство. – Но почему вы ко мне обратились? Ведь я журналистка!

– Разве? – искренне удивилась она и вдруг заявила: – Я регулярно читаю газету «Свидетель». И мне показалось, что вы самый лучший детектив из всей вашей команды.

«Вот черт! – воскликнула я про себя. – Вот так имидж у меня сформировался! Интересно, многие ли из читателей считают меня детективом?»

Я вдруг почувствовала, что проснулась. Я поняла, что мне интересно, и что я хочу помочь этой женщине, и что мне приятно ее мнение обо мне.

– А знаете, давайте встретимся, – сказала я, оставляя себе путь к отступлению. – Вы мне расскажете все подробно, и тогда я уже решу, смогу ли я вам помочь. – Вам удобно будет прийти ко мне домой? – спросила она. – Видите ли, я не выхожу сейчас из дома...

– Давайте адрес, – ответила я. – Через час вас устроит?

Когда в телефоне слышались сигналы отбоя, я поймала себя на том, что нахожусь в состоянии какого-то странного возбуждения. Со мною давно уже такого не было, пожалуй, пару недель, не меньше. Я с некоторым даже удивлением отметила в себе желание работать. Но только не редактором газеты и не журналистом. Мне хотелось столкнуться с какой-нибудь непонятной Загадкой и найти ее решение. Наверное, нечто подобное испытывает любитель кроссвордов, беря в руки свежий номер газеты с традиционной головоломкой на последней странице.

«Вот черт! – усмехнулась я про себя. – Опять я на газету съехала. Нет, не хочу никаких газет! Да и сравнение мое, конечно, хромает, причем на обе ноги сразу. Преступление – это вовсе не кроссворд. Тут за каждым неизвестным фактом стоит не изящная интеллектуальная головоломка, а судьбы реальных людей. И ошибки стоят тут гораздо дороже. К раскрытию преступления нельзя относиться как к интеллектуальному развлечению. Это работа, чаще всего тяжелая и опасная. А все эти мои сравнения с кроссвордами – сплошное пижонство...»

«Подожди-ка, – одернула я себя. – А откуда у тебя такая уверенность, что речь идет именно о преступлении? Ты же не знаешь даже толком, что случилось с этой девочкой, о которой говорила Ксения Давыдовна. Подожди настраивать себя на ложные выводы...»

Когда я вызвала Маринку и попросила ее пригласить ко мне Кряжимского, она, похоже, очень удивилась и даже обрадовалась, справедливо полагая, что моя спячка заканчивается.

Сергей Иванович пришел ко мне с макетом первой полосы в руках, который он набрасывал буквально на ходу, и мне даже несколько неловко было отвлекать его от дела. Но потом я вспомнила, что учредитель газеты все же я, и отбросила ненужные условности. Я объявила ему, что оставляю его в редакции исполняющим обязанности главного редактора, что доверяю ему право подписывать газету «в свет», и вообще – доверяю. Он смотрел на меня несколько ошалело и даже забыл про макет. В глазах у него стоял вопрос, и он его, конечно, задал.

– А позволь узнать, Оленька, сама-то ты что собираешься предпринять? – спросил он. – Отдыхать поедешь или дела? Меня, признаться, не раз уже спрашивали, почему ты не пишешь ничего?

– Не могу, Сергей Иванович, – ответила я честно. – Рука не поднимается бумагу пачкать. Чувствую, что ничего интересного написать не смогу. Поэтому хочу немного сменить род деятельности. Если официально – уйду в отпуск. В приказе это будет отражено.

– Новую историю затеваешь, а, Оля? – хитро посмотрел на меня Кряжимский. – Очередную сенсацию для газеты готовишь? Читатель уж заскучал, пожалуй, без сенсаций...

– Да нет, Сергей Иванович, просто попросили меня разобраться с одним делом, – ответила я. – Что из этого получится, я даже не представляю пока.

– Ну, так и разбирайся. Все лучше, чем в кабинете дремать, – сказал он, и я залилась краской. – А за газету не волнуйся. Газета будет в порядке.

– Не сомневаюсь, – сказала я совершенно искренне.

Формальности были соблюдены. Я официально освободила себя от руководства газетой, которой и без того не занималась, и была совершенно свободна для того, чтобы изучить обстоятельства смерти «тихого ангелочка» Гелечки, о чем просила меня по телефону Ксения Давыдовна.

Жила она не близко от редакции. Я решила, что опаздывать на первую встречу было бы несерьезно для человека, которого считают пусть не совсем заслуженно, но все же – лучшим детективом в команде, поэтому я забралась в свой «жигуленок» и отправилась в Апрелевское ущелье, самый фешенебельный район в Тарасове. Квартиры стоили там астрономические суммы, и уже само это место свидетельствовало о достатке человека, который там живет.

Дом Ксении Давыдовны не обманул моих ожиданий. Это был громадный трехэтажный особняк, обнесенный двухметровым бетонным забором. На воротах я разыскала кнопку домофона. Как только я назвала себя, ворота медленно распахнулись, и я въехала во двор.

Ксения Давыдовна встретила меня в дверях и провела на второй этаж, в гостиную. Я устроилась в кресле и попросила разрешения закурить. Хозяйка кивнула и пододвинула мне пепельницу. Но я заметила, что она слегка поморщилась.

– Я не знаю, с чего начать, – сказала она. – Это произошло всего день назад, позавчера. Я еще не могу привыкнуть к мысли... Мне кажется, что сейчас откроется дверь комнаты и войдет Гелечка.

– Ксения Давыдовна, давайте сделаем так, – тут же вмешалась я, опасаясь, что она пустится сейчас в слезливые воспоминания. Чувства чувствами, горе горем, но дело-то делать нужно? – Я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать.

Она согласно кивнула. Она была заметно подавлена, смотрела большей частью в пол или бросала взгляды на дверь комнаты, в которой, как я поняла, жила ее дочь.

– Сколько вашей дочери было лет? – спросила я и очень удивилась, услышав ее ответ.

– Восемнадцать. Но я должна объяснить одну вещь... – нерешительно сказала она. – Гелечка была мне не родной дочерью.

– Вы взяли ее из детдома? – спросила я.

– Да... Это я, собственно, уговорила мужа взять из детдома девочку, когда выяснилось, что своих детей у меня быть не может. – Ксения Давыдовна нервно мяла ладонью пальцы правой руки. – У меня была серьезная травма. На первенстве России я упала с бревна, очень неудачно. Месяц пролежала в больнице. Тогда я не думала, что у этой травмы будут такие последствия, расстраивалась только из-за того, что не получу золото. Я ведь так и не стала чемпионкой России, хотя несколько раз была близка к этому.

– Вы занимались спортивной гимнастикой? – спросила я.

– Очень серьезно занималась, – позволила она себе улыбнуться, видно, воспоминания о своем спортивном прошлом были для нее дороги. – В семьдесят втором мы даже заняли третье место на чемпионате Европы. Это было самое большое мое достижение. В тот год я и познакомилась с Олегом.

– Олег – это ваш муж? – спросила я.

– Да, – ответила она, и я обратила внимание, как тень снова вернулась на ее лицо. – Муж.

– Вы вышли за него в семьдесят втором? – уточнила я, чтобы вернуть ее к рассказу о себе.

– Нет, ровно через год, – ответила Ксения Давыдовна. – В семьдесят втором мы только познакомились. Это было так романтично. Мы были на сборах в Коктебеле, а он отдыхал там, приехал на несколько дней, решил устроить себе маленький отпуск. Он очень много работал и без выходных практически. На каком-то закрытом заводе. Я заплывала далеко в море, там мы и познакомились с ним в воде. Плыли и разговаривали друг с другом. Он на пять лет меня старше и тогда уже был самостоятельным человеком, у него были квартира и машина. Конечно, ему помогли родители, его отец был крупным чиновником в Тарасове, руководил торговлей. Олегу это потом очень пригодилось, когда он начал собственное дело. Его отца многие хорошо помнят и сейчас. Олег смог воспользоваться связями и знакомствами своего покойного отца. – А чем ваш муж сейчас занимается? – спросила я.

– Он фактически руководит фирмой «Терция», – ответила она. – Фирма очень солидная, как я понимаю, хотя, честно признаться, я ничего о его делах не знаю, он никогда мне о них не рассказывает. Знаю только, что «Терция» занимается оптовыми поставками сигарет в города России и ближнего зарубежья. Олег – вице-президент фирмы.

– Простите, Ксения Давыдовна, – спросила я. – Вы сказали, что это вы уговорили вашего мужа взять ребенка из детдома. А он не хотел этого делать? Возражал?

– Он, собственно, не возражал, – пожал плечами женщина. – Но я видела, что ему не очень нравится эта идея. Он все никак не мог поверить, что у нас не может быть своего ребенка. Но врачи не оставили мне никакой надежды на это. И я поверила в нашу беду раньше его.

– Как он относился к девочке? – спросила я, не решившись назвать ее «дочерью» человека, который удочерил ее против своего желания, я почему-то была уверена, что он не хотел этого делать, а только уступил просьбам расстроенной жены.

– Им очень редко удавалось бывать вместе, – вздохнула Ксения Давыдовна, а я почувствовала, что ей неприятно вообще говорить на эту тему. – Гелечка, собственно, всегда была со мной...

«Вот откуда ко мне привязалось это слово – «собственно», – сообразила я, а вслух спросила:

– А у вас было много свободного времени?

Ксения Давыдовна тяжело вздохнула и произнесла с какой-то обреченной интонацией:

– У меня оно все было свободным. Вернее, стало свободным сразу после того, как я вышла замуж.

– Вы бросили гимнастику? – удивилась я.

– Олег не захотел, чтобы я выступала на соревнованиях, – усмехнулась Ксения Давыдовна. – Он очень ревнив, а гимнастика – это постоянные поездки, – то на соревнования, то на сборы. Он просто сказал мне, что я больше никуда не поеду. И я подчинилась. Сидела дома. Раз в три месяца он возил меня куда-нибудь на море, это был настоящий праздник для меня. Но праздник всегда длился лишь один день. Один день, в который он устраивал себе выходной после почти непрерывной трехмесячной работы.

– И чем же вы занимались, когда бросили спорт? – спросила я.

– Ничем, – покачала она головой. – Сидела дома и мечтала о ребенке. Да мне и негде было работать. Образование – десять классов. Можно было остаться в гимнастике тренером, но... Олег и против этого возражал тоже.

Она помолчала и добавила тихо:

– У меня никого не было ближе Гелечки. Вы не представляете, как мне трудно это пережить...

Что-то меня в ее скорби не устраивало, вызывало недоверие, хотя я не могла бы сказать, что именно. Может быть, та готовность, с которой она предавалась страданию? Тяга к страданию очень распространена у женщин, неудовлетворенных своей жизнью.

– Как это случилось? – спросила я тихо, как бы подстраиваясь под тон, который она задала нашей беседе.

– Мне позвонил Олег, ему первому сообщили, – сказала Ксения Давыдовна. – У Гелечки в кармане нашли его визитку. Никаких документов при ней не было, и милиция, которую вызвали люди, обнаружившие ее, позвонила по номеру телефона, указанному в визитке. Олег пытался подготовить меня, он сказал, что врачи еще не могут сказать, останется ли она в живых, но Гелечка была уже мертва. Она умерла сразу, как только упала на асфальт. Я как представляю, что она испытала за время падения, мне кажется, я схожу с ума от ужаса. Самое страшное – лететь вниз и знать, что никакой надежды на спасение нет, что сейчас наступит смерть и ее уже не избежать. А еще – страх перед болью, которая через мгновение захлестнет тебя и убьет. И потом – страшная боль, пронзающая все тело, как взрыв... Но до этого – бесконечные секунды этого ужасного падения. Я не знаю, как это было, но всем сердцем надеюсь, что моя девочка сошла с ума на мгновение раньше, чем ударилась о землю...

«А ведь она и в самом деле ничего не знает, – подумала я. – Но очень ярко рисует картину страданий. Прямо – талантливо. Кажется, мысль о самоубийстве не раз уже ее посещала...»

– Вы считаете, что ваша дочь не могла сама... пойти на такой шаг? – спросила я.

– Я не верю в это! – очень твердо сказала она. – Олег сказал мне, что на том самом этаже, откуда она... Там нашли окурки и много различных следов, но потом выяснилось, что эта лоджия последнего этажа – любимое место местных подростков, они там почти каждый день собираются. И милиция решила, что проще всего считать это самоубийством. Но я все равно не верю в это! И не только потому, что не хочу в это верить.

– Вы разрешите мне взглянуть на ее комнату? – спросила я.

– Я ничего в ней не трогала. Даже не заходила туда, – сказала Ксения Давыдовна. – Мне трудно это сделать. Пока я не увижу, что ее комната пуста, я буду надеяться, что она вот-вот выйдет из нее.

Воспользовавшись ее разрешением, я прошла в комнату, в которой жила ее приемная дочь. Ксения Давыдовна осталась сидеть в кресле.

Признаюсь, я была несколько удивлена небольшими размерами этой комнаты. По сравнению с шикарнейшей гостиной и огромным холлом на первом этаже комната умершей девушки казалась просто стенным шкафом. Это было странно, и я отметила про себя, что стоит найти этому факту объяснение – почему в таком огромном доме со множеством, надо полагать, просторных комнат приемная дочь занимала самую крошечную, что-то вроде кладовки.

В комнате вдоль одной стены стояла деревянная кровать, вплотную к ней – письменный стол с компьютером, еще одна стена была занята книжными полками, на большинстве из них книги стояли ровными, подогнанными рядами, и было видно, что их годами не трогали с места. Хотя пыли там я не обнаружила.

Хозяйка комнаты, как я поняла, пользовалась только книгами на нижней полке. Я мельком пробежала глазами имена авторов.

Честно говоря, подбор их меня поразил. Обычно я хорошо представляю себе человека, посмотрев на его библиотеку, на книги, которые он читает, но тут я была просто в растерянности – Д. Карнеги, Ч. Ломброзо, Ф. Ницше, П. Кропоткин, справочник «Лекарственные средства», романы Чейза и Буссенара, Г. Мелвилла, Гертруды Стайн и Франсуазы Саган, Джойса и Поплавского.

Единственный вывод, который я смогла сделать, – «тихий ангелочек» имел самые разнообразные интеллектуальные интересы.

Фотопортреты Хемингуэя, Цветаевой, Григория Распутина и Жириновского, в тесном соседстве прищипленные кнопками к стене, нисколько не прояснили менталитет умершей девушки, а только сильнее его затуманили.

Кровать была в беспорядке, на письменном столе грудой лежали журналы «Космополитен», «Вог» и еще что-то в этом роде. Меня поразило отсутствие дорогой косметики, мне трудно было представить, что девушка, живущая в таком доме, пользуется только отечественной косметикой и парфюмерией, но ни импортной губной помады, ни французских духов на полочке под зеркалом, висящим на стене напротив кровати, я не обнаружила.

Осталось только заглянуть в шкаф и поинтересоваться ее гардеробом, что я и сделала. Честно признаться, я уже готова была к тому, что я там увидела. Две пары порядком поношенных джинсов, какие-то колхозного вида блузки, которым самое место было бы в магазине уцененных товаров или в лавке старьевщика, и пару стоптанных босоножек на огромной платформе.

Вопросов у меня скапливалось все больше, но я понимала, что Ксения Давыдовна вряд ли мне на них ответит. Хотя она ничего и не сказала по существу о том, какой была ее приемная дочь, но у меня почему-то сложилось впечатление, которое никак не вязалось с тем, что я увидела сейчас в комнате «тихого ангелочка».

«Она сказала, что, кроме дочери, у нее никого не было, – вспомнила я фразу Ксении Давыдовны. – Дочь, кажется, была ей дороже мужа. Но вот была ли она сама близка дочери, это еще вопрос открытый. И если я хочу заняться этим делом, я должна себе ответить на этот вопрос...»

Я вдруг почувствовала какую-то ложь в своей последней фразе, и это переключило мои мысли на саму себя.

«Мне показалось, что последние полчаса ты не сомневалась, что уже занимаешься этим делом, – сказала я себе. – Хотя я и не совсем понимаю, зачем это тебе нужно. Я думаю, что ты решила попробовать, так сказать, на вкус профессию частного детектива и теперь просто машинально, не отдавая себе в этом отчета, размышляешь, не слишком ли скучной для тебя она окажется. В самом деле, что может быть веселого в том, чтобы расследовать дело о самоубийстве, вникать во все те обстоятельства, которые привели человека к смерти? Так и самой недолго свихнуться. Ты же прекрасно понимаешь, что для того, чтобы понять мотивы поведения человека, нужно поставить себя на место этого человека, хотя бы на некоторое время стать им, воспринять его мысли, желания, ощущения, его проблемы как свои. Тогда ты сможешь представить и картину преступления. Как это говорил один из твоих любимых литературных детективов? «Я сам совершил все эти преступления»... Вот-вот... Если тебе скучно влезать в шкуру преступника, лучше брось сразу и никогда этим больше не занимайся...»

Но, рассуждая сама с собой, я уже знала, что не брошу. Наверное, это мой способ бегства от одиночества. Как ни горько себе в этом признаваться, но я по сути очень одинока.

Из знакомых женщин мне ближе всех Маринка, которую я знаю чуть больше года, но... я говорю не о приятельских отношениях.

Каждому из нас, наверное, тяжело привыкать к ощущению самостоятельности и беззащитности, которое наступает, когда мы так или иначе расстаемся с родителями. У всех это происходит по-разному, но у всех, я в этом уверена, возникает дефицит той не осознаваемой даже близости, которая была у детей с родителями. И все стремятся заполнить ее отношениями с другими людьми. И юноши с девушками влюбляются, не понимая, что в большинстве случаев ищут замену близости с родителями, которая стала ослабевать и изменяться. Мальчики ищут в девочках мам, девочки в мальчиках – отцов...

Да, собственно, так и со мной было, когда я привыкла к своей студенческой жизни в Тарасове и отчаянно заскучала по дому. Не прошло и месяца после первого приступа тоски по дому, как у меня завертелся первый в моей жизни роман, ставший, естественно, и первой

душевной катастрофой. Выбранный мной парень оказался совсем не похожим на моего отца, и, когда я удовлетворила с ним свой естественный физиологический голод, мне опять стало скучно и тоскливо... Был после него и второй, и третий, словом, не хочу вновь вспоминать все подробности становления моего душевного равновесия.

В конце концов я поняла, что никто из мужчин мне не подойдет. Потребовалось немало подумать и покопаться в себе, причем покопаться безжалостно, а подумать честно, чтобы понять и самой себе признаться, что мужчину, точно такого же, как мой отец, мне найти не удастся. А на меньшее я согласиться не смогла бы, это было бы насилием над собой, а я органически не терплю насилия.

Мне оставалось одиночество и по-женски мудрые, но отчужденные отношения с мужчинами. Этим, конечно, можно было время от времени себя отвлекать, но...

Никогда, даже в самые страстные моменты, даже когда сознание отключается и ты не понимаешь, что и зачем ты делаешь, я не растворялась в своем партнере полностью, не сливалась с ним до конца, не могла испытать той степени природной близости, которая была у меня когда-то с матерью и отцом... Да это, наверное, и невозможно. Я всегда как-то бессознательно наблюдаю за собой со стороны, в какой бы экстаз ни впадала, какой бы оргазм ни испытывала...

При чем здесь все эти рассуждения? – могли бы спросить меня. И я бы ответила, что дефицит духовной близости у меня не исчез и ничем не заполнился. И не важно, что я никому и никогда не расскажу о себе того, что я поняла. А важно то, что это понимание теперь помогает мне правильно выстраивать отношения с людьми.

Я, например, давно уже поняла, почему я столь нежно отношусь к Ромке, который по сути еще совсем зеленый подросток, почему вижу в нем чуть ли не своего сына. Это просто еще одна попытка заполнить дефицит, пустое пространство в душе, оставшееся после того, как ее покинули мои родители... Точно такая же, как и отношения с Маринкой, как и моя увлеченность журналистской работой, которая недавно столь внезапно сменилась апатией и скукой.

Мне нужно что-то другое, что могло бы заполнять мою душу в ее жажде слиться с другой душой. И я, плохо отдавая себе отчет, что делаю, кинулась на первую попавшуюся возможность, открывающуюся для этого в работе частного детектива. Ведь то, чем занимался честертоновский патер Браун, не что иное, как метод психологического резонанса, который милиция, например, считает шарлатанством, клиенты – сверхъестественной мистикой, а психоаналитики – очень опасным занятием. Всегда существует возможность столь глубоко погрузиться в психику другого человека, что твоя собственная психика начинает испытывать необратимые изменения.

Метод недаром назван «резонансом». Как известно из физики, при совпадении частот происходит столь резкое усиление энергии волны, что это часто приводит к катастрофе.

Я не рискнула бы рассказывать о том, что побудило меня заняться работой частного сыщика, ни Маринке, ни Кряжимскому, вообще – никому. Никто из них меня бы не понял. Сочли бы извращенкой какой-нибудь, сумасшедшей. Но кто из нас сегодня не сумасшедший, если рассматривать мотивы поведения каждого человека не с точки зрения житейской и формальной логики, а исходя из истинных психологических причин, толкающих человека на те или иные поступки?

Рассматривая комнату погибшей девушки, я поняла, что сделала выбор и уже не откажусь от него, даже поняв, почему он был сделан. Это для меня сейчас единственная по существу возможность найти решение своей психологической проблемы.

Я взглянула на часы и поняла, что торчу в этой комнате, наверное, минут пятнадцать. Конечно, это уже чересчур. Пора возвращаться к несчастной женщине и сказать, что я берусь ей помочь.

– Ксения Давыдовна, – сказала я, входя в гостиную, – а вы часто заходили в комнату дочери?

Она посмотрела на меня печально и покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Гелечка очень не любила, когда к ней кто-нибудь заходил. Мы даже ссорились с ней иногда из-за этого. Она даже подругу свою туда не пустила, заставила сидеть здесь, в гостиной.

Я тут же сделала стойку, словно охотничья собака.

– Вы знаете кого-нибудь из ее подруг? – спросила я.

Она пожала плечами.

– К Гелечке очень редко приходили, – сказала она. – Чаще она пропадала целыми днями.

Ксения Давыдовна внезапно встала.

– Впрочем, – сказала она, – Гелечка записала телефон одной подруги в электронную книжку. Обычно она никогда этого не делает...

Ксения Давыдовна споткнулась на этом слове и поправилась:

– Не делала. Но на этот раз был включен автоматический режим записи. Пойдемте, я дам вам прослушать.

Она провела меня в просторную прихожую. У одной из стен стоял изящный диван в стиле ампира, рядом на невысоком стеклянном столике – телефонный аппарат.

Женщина нажала какие-то кнопки на аппарате, послышались звук перематываемой пленки, затем щелчок и несколько фраз, сказанных женскими голосами.

«– Алло! Можно Гелю?

– Кто ее спрашивает?

– Это Вика.

– Подождите, я сейчас ее позову...»

Отвечала Вике, как я догадалась, Ксения Давыдовна. После небольшой паузы послышался еще один голос, тихий и бесцветный.

«– Это я. Чего ты звонишь? Я же просила...

– Ты что, подруга? Прошло уже три дня. А ты молчишь!

– Заткнись! Я сказала, что сегодня вечером приду к тебе?

– Ты сказала, но...

– Вот и не дергайся! Сиди, жди! День еще не кончился. Только чтобы ты одна была. Я не хочу видеть опять эту пьяную морду! Ты меня в свои проблемы с ним не впутывай!

– Да нет его, не наезжай! В командировку опять уехал... Подумаешь, недотрога! Что такого случилось-то?!

– Заткнись, я сказала! Приду часов в десять. И чтобы одна была...»

Послышались сигналы отбоя.

Я успела записать весь разговор в блокнот. На табло определителя номера стояли цифры: 44-85-12. Это уже кое-что. Теперь я вполне смогу разыскать эту Вику. Мне просто необходимо ее разыскать. Ведь, судя по разговору, Геля собиралась встретиться с ней в десять часов вечера. А трагедия наступила в половине первого ночи. Возможно, что Вика может рассказать мне немало такого, что прояснит картину последних часов жизни Гели.

– Кто эта Вика, вы не знаете? – спросила я.

Ксения Давыдовна беззвучно плакала.

– Они учатся вместе... Учились. В одной группе в университете. Вика приходила к ней однажды, я вам говорила, Гелечка не пустила ее в свою комнату.

«Странные у нее были отношения с подругами, – подумала я. – Впрочем, выводы делать еще рано».

– Милиции вы говорили об этом разговоре? – спросила я.

Ксения Давыдовна кивнула.

– И что вам ответили? – поинтересовалась я.

– Ничего, – всхлипнула она. – Записали и ушли. А сегодня утром мне позвонил капитан Федоров и сказал, что у него нет никаких причин сомневаться, что это было самоубийство... И не захотел ничего слушать.

– У вас есть его телефон? – спросила я.

Она кивнула головой и достала из кармана халата визитную карточку. Этот телефон я тоже записала. Больше мне в этом доме, похоже, делать было нечего.

Ксения Давыдовна поняла, что я готова уходить, и тут же забеспокоилась.

– Простите, Ольга Юрьевна, – сказала она взволнованно. – Вы найдете того, кто убил Гелечку?

Женщина смотрела на меня с надеждой. В ее взгляде и голосе я не нашла ни малейшего сомнения в том, что вчера произошло именно убийство. У меня, честно говоря, пока такой уверенности не было.

Но я знала, что просто обречена на расследование этого дела. Я не могу отказаться. Я потом сама себя изведу сомнениями и сожалениями о том, что выпустила из рук дело, которое могло отвлечь меня от себя самой, от своих проблем.

Я кивнула головой.

– Пожалуй, рано как-то квалифицировать трагедию, произошедшую с вашей дочерью, – сказала я, – но я могу вам обещать, что разберусь в том, что же случилось. Правда, о сроках ничего определенного сказать пока не могу.

– Я знала, что вы не откажетесь мне помочь! – воскликнула женщина и достала из кармана халата пачку долларов. – Я хочу дать вам аванс, чтобы вы были уверены, что я заплачу вам за вашу работу. Сколько вы берете в день?

Я растерялась, впрочем, не надолго. Не такая уж я романтическая дурочка, какой была когда-то. Это на первом курсе университета я могла ввязываться в расследование криминальных историй, с которыми случайно сталкивалась, из абстрактных гуманистических побуждений. И жизнь меня учила, вернее, отучала видеть все в розовом свете.

Теперь я четко знаю, что каждая работа стоит денег, а такая, за которую берусь я сейчас, – больших денег. Единственная проблема была в том, что я совершенно не знала, сколько берут за свои услуги другие частные сыщики. Впрочем, какое мне до этого дело? Пусть другие хоть бесплатно работают. Я сама цену установлю.

Взяв для ориентира свою зарплату главного редактора, которую я сама себе устанавливала, прикинув, что заниматься расследованием придется круглые сутки, что потом мне, возможно, потребуется отдохнуть, прибавив на всякий случай тридцать процентов прибыли, еще пятьдесят процентов страховки на случай возможного членовредительства, умножив то, что получилось, на коэффициент инфляции, я была немного смущена той суммой, которая у меня вышла. Поэтому я уменьшила результат моих расчетов вдвое и ответила на вопрос моей первой клиентки:

– Четыреста долларов в сутки плюс непредвиденные расходы.

– Давайте я заплачу вам за неделю вперед, – немедленно предложила Ксения Давыдовна.

«Однако, – подумала я, – с деньгами у нее и впрямь проблем нет».

– Нет-нет, – отказалась я, – предоплату я не беру. Возможно, я справлюсь с этим гораздо раньше, не стоит загадывать на неделю вперед. Я попрошу вас оплатить только непредвиденные расходы. Двухсот долларов вполне хватит.

Глава 2

Получив от нее две сотни, я простилась с ней и, забравшись в машину, решила немного поразмышлять, прежде чем предпринять что-либо дальше.

План расследования мне, в общем-то, был ясен. Сейчас нужно познакомиться со всеми людьми, которые окружали Гелю, по их отношению к ней попытаться установить, что она была за человек, а по их отношению к ее смерти попытаться понять, что же с нею на самом деле произошло.

Правда, у меня сложилось впечатление, что окружение погибшей не так уж велико. Мать, отец, подруга... И все! Этот факт тоже надо еще осознать и как-то его интерпретировать. Но для выводов у меня слишком мало еще информации.

Так, что у меня есть в запасе? Подруга. Но до подруги так быстро не добратся. Учебный год закончился, в университете никого не найдешь, а уж тем более никто не скажет тебе адрес, по которому живет одна из студенток, если, конечно, она не в общежитии живет. Но мне показалось, что Вика не имеет никакого отношения к студенческому общежитию. Оставался номер телефона, по которому можно установить адрес. Для таких целей я специально завела себе одного знакомого в управлении ГТС – городской телефонной сети. Журналистам, как вы сами понимаете, тоже часто приходится устанавливать адреса и имена владельцев телефонных номеров.

Проще было позвонить капитану Федорову, который наверняка уже разыскал эту Вику и с ней поговорил. Представиться ему частным сыщиком и попросить адрес подруги умершей девушки. Вопрос только в том, даст ли он мне этот адрес. Чем больше я об этом думала, тем больше сомневалась в успехе разговора с капитаном. У него сразу же возникнет масса вопросов ко мне – кто меня нанял, зачем я расследую дело, в котором и так все ясно, да и дела-то по сути никакого нет, и, наконец, есть ли у меня лицензия, позволяющая мне заниматься частным сыском?

Последнее соображение заставило меня совсем отказаться от идеи звонить капитану. Никакой лицензии, конечно, у меня не было. Было, правда, одно обстоятельство, которым я могла бы попытаться оправдать свои действия. В уставе газеты «Свидетель» было записано, что ее журналисты имеют право проводить расследования по просьбе различных организаций и частных лиц. Но капитан мог счесть это недостаточным обоснованием моих действий, тем более что в редакции лежал подписанный мною же приказ о том, что официально я нахожусь в отпуске.

Я не люблю создавать себе лишние сложности. Поэтому я разыскала номер моего знакомого телефонного осведомителя и попросила его установить, по какому адресу зарегистрирован номер телефона 44-85-12. Он обещал перезвонить минут через десять.

Кроме подруги, у меня был еще отец погибшей девушки, с которым тоже нужно было встретиться. Но это и все. Выбирать было практически не из чего.

Пока я не знала адреса подруги, я решила позвонить мужу Ксении Давыдовны и договориться с ним о встрече. Набрав номер, который мне дала Ксения Давыдовна, я представилась и спросила, когда мы сможем встретиться.

– Зачем? – последовал неожиданный для меня вопрос.

– Я хотела бы, чтобы вы рассказали мне о дочери, – ответила я.

– Вряд ли я смогу вам о ней что-либо рассказать, – ответил Серебров. – Мы с ней не были близкими людьми.

Это был недвусмысленный намек на то, чтобы я оставила его в покое. У меня сложилось впечатление, что Олег Георгиевич Серебров был совершенно не заинтересован в том, чтобы я

докапывалась до причин смерти его приемной дочери. Это только усилило мое желание разобраться в происшедшем.

– Тогда, может быть, мне удастся рассказать вам что-нибудь о вашей дочери, – сказала я, сделав многозначительную паузу. Пусть думает, что я уже успела узнать об Ангелине Серебровой что-то такое, что ему неизвестно. Или, наоборот, что ему хорошо известно, но что он от меня хочет скрыть. В любом случае у него должно возникнуть желание со мной встретиться. Хотя бы для того, чтобы узнать, на что я намекаю.

– Хорошо, – согласился, как я и предполагала, Серебров. – Приезжайте прямо сейчас. У меня есть минут сорок свободного времени.

И назвал мне адрес. Что мне оставалось делать? Только принять его предложение, которое к тому же нисколько не противоречило и моим планам.

Дождавшись звонка с телефонной станции от своего знакомого и записав адрес Виктора Владимировича Конюхова, на кого был зарегистрирован телефон 44-85-12, я поспешила к тарасовскому цирку, напротив которого находилась фирма «Терция», где вице-президентом был Олег Георгиевич Серебров.

«Терция» располагалась не на самой улице героя гражданской войны и анекдотов Петра Исаева, больше известного под именем Петьки, а в глубине квартала. По длинной и мрачной арке между винным магазином и областным управлением социальной защиты населения я прошла в огромный и очень запутанный внутренний двор с десятком старых зданий. Путаница происходила от того, что двухэтажные здания были разбросаны по двору без всякой системы, образуя лабиринты и тупики. Дома были облезшими и облупленными, и очень трудно было заподозрить в любом из них местонахождение такой солидной фирмы, как «Терция».

Мне пришлось обойти добрую половину двора и узнать, что за фасадом винного магазина расположены конторы Птицепрома и Леспрома, жилой дом и домоуправление, а за фасадом социальной защиты – редакция газеты «Тарасовский Бродвей», какой-то, судя по мерзкому запаху, мясной склад и подсобные помещения выходящего на улицу сподвижника Чапаева ресторана. Несколько двухэтажных домов в разных концах двора вообще не имели опознавательных знаков.

До этого мне редко приходилось бывать внутри тарасовских кварталов, особенно в центральной части города. Меня поразил контраст этой территории с фасадами, выходящими на улицу, за которыми по личному указанию тарасовского мэра арендаторы следили тщательно, поскольку мэр ставил в качестве жесткого условия зависимость продления аренды от внешнего вида фасада.

За внешним видом зданий, находящихся во дворе, никто не следил вообще. Да и двор больше был похож то ли на стройплощадку, то ли на окрестности разведочной скважины осенью. Видела я когда-то в своем родном Карасеве, в Заволжье, буровые вышки, бегали мы на них в детстве с мальчишками. Хорошо помню, что даже летом вокруг вышки было постоянное грязевое болото. Раз в неделю грязь на буровой разравнивал бульдозер, но уже на третий день она вновь заполняла всю территорию.

В том дворе, куда я попала, грязь никто никогда не убирал. Наверное, весной ждали, когда подсохнет, а осенью – когда замерзнет.

На мое счастье, здание, на котором я наконец обнаружила табличку с названием «Терция», не было окончательно отрезано от цивилизации. К нему была проложена не очень безопасная, но все же явно просматривающаяся тропа в виде положенных на кирпичи досок. Рискуя провалиться, я отправилась к цели своего путешествия.

Стоило мне войти в облезлую металлическую дверь и оглядеться, как я тут же забыла, что творится во дворе. Первой моей мыслью было, что я каким-то образом попала в здание областного правительства или в немецкое консульство. Только в этих двух учреждениях я видела такой продуманный стиль внутренней отделки и столь высокое ее качество.

Вокруг было безукоризненно чисто, стены сверкали белыми панелями, пол отсвечивал бликами от удивительно изящных светильников на стенах.

Большие керамические вазы были расставлены по обширному холлу среди мягких кожаных кресел, стоящих по два у нескольких телевизоров.

Едва я вошла, как с одного кресла тут же поднялся и устремился ко мне высокий худой парень лет двадцати пяти в красном костюме и галстук-бабочке с сотовым телефоном в руке.

Не стоило больших усилий догадаться, что слева за поясом у него торчит пистолет. Я с удивлением отметила, что для охранника вид у него совсем не традиционный.

– Вы к кому? – спросил он очень вежливым тоном.

– Олег Георгиевич на месте? – ответила я вопросом на вопрос, потому что очень не люблю объяснять, к кому я иду и зачем. Это кажется мне унижительным.

– Серебров? – переспросил охранник. – Он вам назначил?

– Что, извините, он мне назначил? – Я начинала уже злиться. Здесь с посетителями разговаривают очень вежливо, как я вижу, но совершенно не считают их за людей. Хозяин – царь и бог, единственное на свете существо, достойное внимания и уважения. А те, кто к нему приходит, – так, сор под ногами, такая же грязь, как во дворе.

– Олег Георгиевич вас ждет? – Охранник, видимо, всерьез подумал, что я не поняла его вопроса, и решил сформулировать его иначе.

– А вы позвоните ему и спросите, – предложила я.

Парень слегка засомневался, все же спросил, как меня зовут, и набрал какой-то номер. Ему тут же ответили.

– Леночка, – сказал он, – спроси шефа, примет он Бойкову или нет?.. Бой-ко-ва. Да не Бойков, а Бойкова... Не знаю, назначал он ей или нет... Вот так, не знаю! Слушай, ты меня не учи, как мне надо работать. Я за это место не держусь! Тоже мне, нашли вахтера!

В разговоре возникла пауза, поскольку парень замолчал и теперь уже сердито уставился на меня. Я ясно видела по его взгляду, что я ему нравлюсь, а злится он совсем не на меня, а на эту самую Леночку, которая с ним разговаривала.

Так он стоял секунд тридцать, потом снова встрепенулся, прислушался к голосу в трубке и затем отключил свой телефон.

– Коза драная! – пробормотал он тихо и посмотрел на меня. – Это я не вам, – сказал он, теперь уже откровенно рассматривая мои ноги. – Второй этаж налево. Олег Георгиевич вас ждет.

Я усмехнулась и по узкой, но застеленной ковром лестнице поднялась на второй этаж с точно таким же холлом, как и внизу.

В холле в полном одиночестве сидел совсем молодой и очень симпатичный парень, лет двадцати. Я приняла его за охранника.

Он, видно, настолько доверял своему коллеге внизу, что даже не посмотрел в мою сторону, головы не повернул. Он сосредоточенно разглядывал обивку на стоящем перед ним пустом кожаном кресле и так погрузился в какие-то очень личные мысли, что до вверенного его охране объекта ему в данный момент не было никакого дела.

Мне до него, впрочем, тоже дела не было. Я вошла в коридорчик слева, увидела перед собой единственную дверь и оказалась в приемной. Женщина лет тридцати, чуть полноватая, но очень привлекательная и открыто сексуальная, была, без всякого сомнения, та самая «коза драная», с которой разговаривал охранник-вахтер.

Увидев меня, она выскочила из-за компьютера и, поигрывая бедрами, нырнула в кабинет к своему шефу. Через пять секунд она оттуда вынырнула и, улыбнувшись мне, произнесла покровительственно:

– Проходите, милочка. Олег Георгиевич просил сразу предупредить, что у вас есть двадцать минут. Потом у него встреча с торговым представителем из Монголии.

Я промолчала. Не могу же я связываться со всеми подряд. Да и не она устанавливает здесь порядки, не она формирует сам тип отношения к посетителю. Это все, конечно, идет от ее шефа.

Серебров встретил меня откровенно раздраженным взглядом. Он сидел не за своим огромным столом, за которым, вероятно, проводил совещания со своими работниками, а за низким журнальным столиком в углу кабинета, здесь уместилось бы, наверное, с десяток таких комнатух, в какой жила его приемная дочь. На столе стояла открытая бутылка французского коньяка и пузатая низкая рюмка, одна.

Вице-президент небрежно кивнул мне на стоящий рядом с диваном, на котором он сидел, стул и плеснул в рюмку немного коньяка. Сделав маленький глоток, он поставил рюмку на столик и посмотрел на меня вопросительно.

– Ну? – сказал он.

– Вы можете ответить мне на один вопрос? – спросила я, изучая его совершенно бесстрастное лицо. Глядя на него, трудно было бы предположить, что вчера погиб близкий для него человек.

Серебров поднял вверх указательный палец и сказал:

– На один.

– Как вы считаете, ваша дочь Геля сама шагнула вниз с одиннадцатого этажа или кто-то помог ей в этом?

Он сделал еще один глоток коньяка. На его лице не отразилось ни боли, ни даже досады.

– Я считаю, – сказал он, глядя на коньяк в рюмке, – что мое мнение не играет никакой роли в этой то ли криминальной, то ли сентиментальной истории. Надеюсь, больше у вас вопросов нет?

«Скотина! – подумала я. – Нельзя так со мной! Я такого обращения не переносу».

– Вопросы нет, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Есть мнение, которое, как я полагаю, будет играть в этой криминальной, без всякого сомнения, истории очень важную роль. Я хочу, чтобы вы его знали.

Он протестующе поднял руку, но я не дала ему рта раскрыть.

– Я считаю, – продолжала я, – что никак нельзя квалифицировать как самоубийство то, что произошло с вашей дочерью. И что вы имеете к этому происшествию прямое отношение.

Он напрягся. Я поняла, что его внутреннее состояние изменилось. Вежливая и равнодушная презрительная наглость превратилась в агрессивную настороженность.

– В любом случае вы ничего не сможете доказать, – сказал он совершенно неожиданно для меня. – А ваши домыслы не имеют никакого юридического значения.

Я усмехнулась. Он сам мне давал материал против себя. Я-то имела в виду всего лишь его равнодушие к приемной дочери. А он, как мне показалось, совершенно другое. Что именно, он мне, конечно, не скажет, я на это и не рассчитывала. Но в любой его фразе может проскочить информация, которая позволит мне разобраться в его истинных отношениях с Гелей. Нужно быть очень внимательной.

– Я знаю, кто вас настроил! – воскликнул он. – Моя несравненная женушка Ксюша! Она всегда меня ненавидела, даже тогда, когда выходила за меня замуж. Даже в постели! Это из-за ее ненависти у нее нет детей! Я в этом уверен. Это она нагородила вам обо мне черт знает что! А ее престарелый дружок-импотент спел вам ту же песню, что и она!

«О ком это он? – удивилась я. – Первый раз слышу о дружках-импотентах, да еще престарелых. Любовник, что ли? Но Ксения Давыдовна не была похожа на женщину, у которой вообще может быть любовник. Тут что-то другое...».

– Я, собственно, надеялась, что вы мне поможет разобраться в том, что он мне сейчас наговорил, – сказала я, придав своему взгляду выражение сожаления. – Я не привыкла верить на слово, особенно тому, что один мужчина говорит про другого.

О чем я говорила, я не имела ни малейшего представления, но блефовать так уж блефовать! Тем более что у меня и не было другой возможности его раскрутить, – он с первой секунды ушел в глухую защиту, которую можно было только взламывать – угрозами, намеками или обманом.

Он мрачно посмотрел на меня, но стал заметно спокойнее. Вероятно, поверил, что я не так уж и настроена против него.

– Что он вам сказал? – спросил Серебров резко.

Я изобразила гримасу, которая должна была выражать задумчивость – брови немного вверх, губы вперед трубочкой, голову чуть-чуть набок.

– Ну, если не повторять всего, что мне пришлось выслушать, – сказала я, – а сформулировать только суть, то он сказал, что вы виноваты в смерти дочери.

– Приемной дочери! – рявкнул он совершенно неожиданно для меня. – Я никогда не считал ее своей дочерью! Я не мог относиться к ней как к дочери. И эта соплячка строила из себя вечную жертву моей нелюбви!

Я чувствовала, что его понесло, и помалкивала, надеясь, что он сейчас в запальчивости наговорит много такого, чего не скажет в спокойном состоянии.

– Она не брала у меня денег! – искренне негодовал Олег Георгиевич. – Она отказывалась принимать от меня подарки, которые заставляла меня делать ей моя жена...

«Я бы тоже отказалась от таких подарков, – подумала я. – Если бы ты сам хоть раз захотел ей что-нибудь подарить, она, может быть, и не отказалась бы».

– Она сама забила в эту каморку, – продолжал он, – сделала из нее себе комнату. Я просил ее перейти в другую, у меня в доме достаточно места, на десяток таких девок хватит. Нет же! Она назло мне спряталась в этот стенной шкаф!

– Простите, – сказала я, – я не поняла, в каком смысле стенной шкаф?

– В прямом! – сказал он. – По проекту эту комнату предполагалось использовать именно как стенной шкаф, как кладовку. Там даже окна не было, его пробил потом, когда я понял, что выгнать оттуда эту маленькую упрямую дрянь невозможно. Она забивалась туда и сидела там сутками, начинала царапаться и кусаться, когда ее пытались оттуда вытащить. Я в конце концов согласился, хочет жить там, пусть живет. Она и живет там с тех пор... Жила...

– Должна признаться, – запустила я в него провокационную фразу, – что у меня совсем другая картина вырисовывалась со слов...

И я полезла в блокнот, сделав вид, что не могу вспомнить имя человека, на которого он намекал и о ком я не имела никакого представления. Я копалась в блокноте, уверенная в том, что он не выдержит и подскажет мне. Так оно и вышло.

– Рудольфа Ивановича! – буркнул он, потому что еще не высказался до конца, а я держала паузу. – Но какой он врач! Он шарлатан! Диплом у него есть, это верно, я наводил справки. И лицензия в порядке. Но он же прекрасно понимает, что занимается профанацией! Потому что получает за это хорошие деньги! Моя жена платит ему мои же деньги, а он несет ей обо мне черт знает что! Не знаю, всю ли программу этого доктора Косовича вам довелось выслушать, но я когда-нибудь до него доберусь.

«Косович, вероятно, фамилия этого самого Рудольфа Ивановича, – подумала я. – Тем лучше, теперь я гораздо меньше времени потрачу на его поиски».

Поглощенная выпытыванием из Сереброва имени неожиданно возникшего в разговоре доктора, я увлеклась и допустила ошибку. Олег Георгиевич смотрел на меня напряженно, изучающе. Он явно что-то обдумывал и решал. Я пропустила какой-то важный момент в разговоре. Он на какой-то фразе что-то обо мне для себя выяснил, а я этого не заметила. Но что это так, я не сомневалась. Олег Георгиевич говорил еще что-то, но теперь это были совершенно пустые для меня сведения, поскольку сообщались они мне человеком полностью собою владеющим, причем владеющим очень хорошо. Он рассказывал мне, как мало у него остается сво-

бодного времени, как редко ему удавалось видаться с Гелей и как трудно было наладить с ней контакт. Так и не удалось этого сделать. Он признавался, что слишком долго не замечал эту девочку в своей жизни, в своей семье, не заметил и ее смерти.

Я иногда верила ему, иногда не верила, но понимала, что уже впустую трачу время. Олег Георгиевич будет давать мне строго дозированную информацию, подмешивая в нее часть придуманных им легенд, немного откровенного вранья, а что-то просто скрывая. И я никогда уже не разберусь в том, что в его рассказе соответствует действительности, а что – нет.

И тем не менее я старательно записывала всю его, опять ставшую бесстрастной, речь на диктофон. И вовсе не для того, чтобы потом в ней разобраться. Я хотела еще раз внимательно прослушать первую часть нашей с ним беседы и определить момент, в который я допустила ошибку. Чтобы понять, на что он в тот момент намекал и какой вывод обо мне после этого сделал. Это была бы в отличие от всего остального полностью достоверная информация.

Глава 3

Первое, что я сделала, выйдя из двора-лабиринта, в котором располагалась «Терция», прошла в скверик напротив, у здания цирка, и минут десять сидела, обдумывая, кто такой этот доктор Косович Рудольф Иванович, неожиданно всплывший в разговоре с Серебровым, и как его разыскать. Не стоит, наверное, спрашивать о нем Ксению Давыдовну, раз уж она мне сама о нем не сказала, лучше поговорить с ним, не предупреждая ее. Чтобы она не предупредила его. Сам Серебров, похоже, не будет звонить Косовичу, он, кажется, не в лучших с ним отношениях.

Я вспомнила, как изменился тон Олега Георгиевича под конец нашего разговора. Я так и не сообразила, чем это было вызвано.

Прокрутив еще раз диктофонную запись, я четко уловила фразу, произнесшую которую Олег Георгиевич напрягся. В его тираде значительное место было уделено критике профессиональных способностей Рудольфа Ивановича, но это было совершенно безобидно. А вот дальше очень плотно шла информация, которую Олег Георгиевич скорее всего выпалил сгоряча, и тут же пожалел об этом. В двух фразах было сосредоточено очень много, они были просто перенасыщены информацией.

«Моя жена платит ему мои же деньги...».

Если этот факт вообще как-то засел в голове Сереброва, то деньги уж никак не маленькие, иначе бы он и внимания на них не обратил.

А о чем говорила вторая часть этой же фразы?

«...а он несет ей обо мне черт знает что!»

Прежде всего, она красноречиво характеризовала отношения между Серебровым и Рудольфом Ивановичем как неприязненные. Было понятно, что сложившаяся ситуация сильно раздражает Сереброва и он очень бы хотел воспрепятствовать контактам своей жены с этим человеком, но не делает этого. Возникает вопрос – почему?

«Так это же просто! – осенило меня. – Потому что Рудольф Иванович Косович не просто врач, а врач-психоаналитик! Ну, конечно! Если это так, сразу становится понятным обвинение в непрофессионализме и, главное, в профанации, которое прозвучало в словах Сереброва. И высокая оплата говорит о том же самом. Услуги психоаналитиков стоят, как известно, очень дорого. А в иных случаях так дорого, что это вполне может вызвать раздражение даже столь состоятельного человека, как Серебров».

Впрочем, похоже, не только деньгами, которые тратит его жена, вызвано его раздражение. Что это за фраза, вернее, конец следующей фразы!

«...но я когда-нибудь до него доберусь».

По-моему, это угроза. И вовсе не скупость – причина этого. А то, что одним из объектов внимания психоаналитика стал сам Олег Георгиевич. Скорее всего – заочно. Наверное, проблемы его жены, Ксении Давыдовны, связаны именно с мужем. И врач это ей растолковал, а она, вероятно, сказала об этом мужу. Вот вам и пожалуйста.

Но почему же он все-таки так напрягся после этой вот фразы:

«Не знаю, всю ли программу этого доктора Косовича вам довелось выслушать, но я когда-нибудь до него доберусь».

«Господи! Так вот же ответ! – я чуть по лбу себя ладонью не стукнула. – Он даже логическое ударение сделал там, где нужно: «всю» ли программу я выслушала, успел ли мне Косович что-то рассказать очень важное или не успел? Вот что его беспокоило. И по моей реакции он скорее всего понял, что не успел. Или не захотел. И это Сереброва успокоило. Он сразу отстранился и стал нагружать меня массой ненужных подробностей о своей семейной жизни

и совершенно незначущих деталей. С единственной целью – отвлечь мое внимание от неосторожно сказанной им фразы, неосторожно заданного вопроса, который слишком его волновал.

Вот и еще одна задача для меня! Теперь мне придется встретиться с этим Косовичем и попытаться выудить из него то, чего так опасается Олег Георгиевич Серебров. Врачи-психологи знают иногда немало того, что очень проясняет мотивы фигурантов дела.

Вопрос еще в том, как найти этого самого Косовича? Вряд ли его адрес может оказаться в телефонной справочной 003, в любое время суток информирующей о товарах и услугах, которые можно приобрести и получить в Тарасове. Ну, это я оставляю на крайний случай. А пока просто позвоню Косте – знакомому психиатру, работающему в психлечебнице на Алтынке. Вполне возможно, что он слышал о Косовиче и подскажет, где его найти.

Не откладывая дела в долгий ящик, я оттуда же, с лавочки, позвонила в психлечебницу, и после нескольких минут ожидания к телефону подошел Костя, которого пришлось вызвать из другого корпуса.

– Косович? – переспросил он. – Конечно, знаю. Имя в Тарасове известное. Правда, больше размерами гонораров, которые он берет за лечение и даже за консультации. Деньги любит патологически... А зачем он тебе? Что, какие-то проблемы? Ну, тогда к нему не советую обращаться – вряд ли поможет, а вот деньги все до копейки из тебя выжмет.

– Слушай, Костик, наверное, скучно тебе там среди психов на Алтынке. Как до телефона дорвался – перебить нельзя, не остановишь. Я не собираюсь у него лечиться. Мне один человек про него говорил. Кстати – не пациент его. Он очень резко отзывался о его профессиональных качествах, называл его шарлатаном. Как ты думаешь, он прав?

– Ну, ты даешь, Оленька! – воскликнул Костя. – На этот вопрос тебе не только я – вообще никто не ответит. Сейчас так много и развелось всяких психотерапевтов и психоаналитиков потому, что их профессионализм практически невозможно проверить. Если у него что-то получается – вопросы сами собой отпадают, хотя и неизвестно еще – принял ли он вообще хоть какое-то участие в процессе выздоровления. Если же не получается – обвинить его в бездействии, в невежестве, в ошибках лечения нет никакой возможности. Всем хорошо известно, что психоаналитическое лечение может длиться месяцами и даже годами. Но самое главное – никто, даже отец психоанализа Фрейд, никогда не гарантировал стопроцентного успеха. Пациент всегда заранее предупреждается, что существует риск, что лечение не будет успешным или что оно затянется на десятилетия. Знаешь, психоаналитики в отношениях со своими клиентами стали похожи на адвокатов – и тем и другим выгодно затягивать – одним дела, другим – лечение. Именно это и привлекает к модному сейчас психоанализу так много шарлатанов. На него смотрят как на хорошую кормушку, как на золотые россыпи и активно черпают из этих россыпей. И сказать, профессионал ли данный конкретный врач или шарлатан, можно только понаблюдав за тем, как он общается с клиентом, как строит лечение. И не один час понаблюдав, тут главное – направленность процесса лечения уловить. Но даже и в этом случае можно ничего не понять и не отличить врача от авантюриста. Если человек имеет хотя бы некоторое представление о психоанализе, если читал не только Фрейда, но и его последователей, если заглядывал в практические руководства по психоанализу, которые можно сейчас купить на каждом углу, ему нетрудно будет имитировать процесс лечения. А отличить имитацию от подлинного лечения можно только по результатам. Про результаты я тебе объяснил – иногда приходится ждать годы.

– Главное, что я поняла, – перебила я его, – нет никакой возможности решить – шарлатан этот Косович или настоящий врач? Так?

– Увы, так! – вздохнул Костя.

– Ну, а найти его ты мне поможешь? – спросила я.

– А что его искать! – удивился Костя. – У него офис на Турецкой, напротив «Астории». По понедельникам сидит в нем с десяти до двух – запись на прием, консультации. Я

сейчас не помню ни телефона, ни адреса. Но его очень просто найти. Рядом с ломбардом его вывеска, очень оригинальная. Фрейд с Юнгом изображены вместе в профиль, знаешь, как раньше Маркса с Энгельсом рисовали на плакатах. Там одна такая, не спутаешь.

Ответив на его традиционное приглашение приехать, посидеть, поболтать столь же традиционным – «лучше вы к нам», – я задумалась.

Если Костя утверждает, что очень сложно убедиться в непрофессиональности врача-психоаналитика, то почему же Серебров с такой уверенностью это говорит. Думаю, что его отношение к Косовичу определяется главным образом не профессиональными качествами Рудольфа Ивановича, а тем, что Косович по рассказам, по проблемам его жены узнал о нем что-то очень существенное и, возможно, даже опасное для Сереброва. По крайней мере, такое, что он стремится скрыть от лишних ушей и глаз. А обвинение в непрофессионализме – это просто проявление его сильного раздражения.

Сегодня был, однако, не понедельник, а четверг, идти в офис к Косовичу особого смысла не имело, хотя и можно было попытаться раздобыть его домашний адрес или где еще там он проводит свое лечение...

Это я решила пока отложить, у меня были и другие перспективные в плане получения информации контакты – например, с подругой Гели, адрес которой был уже у меня.

Но, прежде чем отправиться на розыски подруги погибшей девушки, я решила проверить, не был ли вчера кто-нибудь случайным свидетелем трагедии. Милиция, увлеченная версией о самоубийстве, могла и не очень внимательно отнестись к такой возможности. Половина первого ночи не такое уж и безлюдное время, как может на первый взгляд показаться.

Не откладывая своего намерения в долгий ящик, я отправилась на место разыгравшейся трагедии, к одиннадцатизэтажному жилому дому, нижний этаж которого занимал большой универсальный магазин «Рогдай».

Лоджии черного хода выходили во двор – небольшой пятачок асфальта, зажатый магазином, соседним, точно таким же жилым домом и глухим каменным забором высотой метра в два. Обычный городской двор нового типа – то есть растерявший все те особенности старых тарасовских дворов, которые были местом, где соседи общались друг с другом, и превратившийся в подъездные пути к дому, в место временной стоянки многочисленных автомобилей, принадлежащих жильцам и их гостям. Никаких лавочек или беседок, где могли бы сидеть вездесущие и всезнающие тарасовские пенсионерки, никаких детских или спортплощадок, никаких столиков для доминошников.

Это был «мертвый» двор, пространство, которое он занимал, уже не принадлежало дому, оно было частью и продолжением улицы. Жизнь ушла из двора в подъезды и квартиры, и в соседний сквер, где на лавочках и собирались рогдаевские старушки.

Впрочем, подъезд в этом доме был только один, хотя квартир на каждом этаже было не меньше десятка. Но в подъезде было два лифта, которые, как ни странно, постоянно работали и вполне справлялись с транспортировкой жильцов, даже в утреннее и вечернее время.

Поэтому черным ходом, а попросту – лестницей, пользовались только жильцы первых трех этажей, остальные предпочитали добираться на лифте. На одиннадцатом, куда я поднялась по лестнице, так и не встретив на ней ни одной живой души, оказалась целая компания молодежи.

Три девушки и два парня стояли у ограждения и смотрели вниз, не обращая на меня внимания. Одна из девушек, правда, оглянулась и, увидев меня, удивленно пожала плечами. Я поняла, что она удивлена тем, что я не воспользовалась лифтом, а поднимаюсь по лестнице.

Я уже хотела приступить к расспросам встретившейся мне молодежи, как вдруг уловила фразу, которую один из парней говорил другому.

– Спорим, если бы она прыгала сама, она не попала бы на газон!

Я тут же насторожилась. Ксения Давыдовна, помнится, говорила, что Геля упала на асфальт. Впрочем, она могла и ошибиться, ведь она не была здесь, а рассказывала мне со слов мужа и милиции. Фраза, произнесенная парнем, меня заинтересовала.

Пройдя за спинами девушек к лифту и скрывшись за выступом стены, я, стараясь ступать очень тихо, вернулась назад, чтобы послушать продолжение разговора. Слышно было не очень хорошо, особенно когда говорили одновременно двое или трое, перебивая друг друга, но отдельные фразы я слышала четко.

– Че ты из себя строишь-то? Ты че, тут был, когда она прыгала?

Голос принадлежал второму парню. Я говорящего не видела, но догадаться об этом было несложно, паренек отчаянно басил, тогда как у второго юноши, фразу которого я слышала, когда проходила мимо них, голос был мальчишеский. Этот голос и ответил.

– А она и не прыгала. Если бы она прыгнула, она бы дальше улетела...

– А что это тетка здесь прошла?..

Это было сказано уже девушкой. Ей никто не ответил, наверное, кроме нее, на меня никто из них не обратил внимания. Владелец юношеского баса не сдавался и привел еще один аргумент:

– Может быть, она обкуренная была? И не выпрыгнула, а просто упала?

– Ну да. Специально сюда полезла, чтобы курнуть! Больше нигде было, что ли?

– Хватит вам! Что базар-то устроили? – это опять вмешался девичий голос, но уже другой. – Страшно все-таки так вот лететь...

– А ты попробуй! – предложил ей владелец баса. – Помочь?

– Дурак! – взвизгнула девушка, видно, шутка была подкреплена конкретными действиями.

На лоджии послышалась возня.

– Отстань! – В голосе девушки слышались слезы и истерические нотки.

– Оставь ее, Серега! – вмешался второй парень. – Она сейчас разорется, весь дом на ноги поднимет!

– Пусть поднимает! – не унимался парень. – Мы ее сейчас отсюда сбросим и посмотрим, на то же место ляжет или нет. Ну? Хочешь полетать?

Я не опасалась, конечно, что эта юношеская шуточка зайдет слишком далеко, но сочла необходимым вмешаться. Девушка и впрямь могла поднять шум. Тогда мое присутствие на этаже обнаружилось бы, а мне вовсе не хотелось попадать в идиотскую ситуацию и изображать из себя человека, который пришел к своим знакомым, но перепутал этажи. Я вышла на лоджию.

Парень держал девушку за руку и смотрел на нее с театрально преувеличенной кровожадностью. Девушка дергала руку и упиралась что было сил. Ей шутка очень не нравилась. До того не нравилась, что она заметно дрожала. Видно было, что она на грани истерики.

Мое появление заставило парня отпустить ее руку, и девушка молча рванула вниз по лестнице. Слышно было, как быстро стучат по ступеням ее туфли. Оставшиеся на лоджии два парня и две девушки смотрели на меня настороженно и очень недружелюбно. Нужно было срочно налаживать контакт.

– Вы из этого дома? – спросила я. – Всех знаете, кто на этом этаже живет?

Все четверо смотрели на меня молча. Взгляды их, особенно девушек, можно было бы считать высокомерными, если бы я не понимала, что это всего лишь защитная реакция не очень уверенных в себе подростков. Сама такой была, не успела еще забыть обостренное чувство недоверия, с которым в этом возрасте относишься к взрослым и всем их жизненным ценностям. Впрочем, я и не рассчитывала, что они наперебой бросятся мне отвечать.

– Я слышала, отсюда вчера девушка упала... – сказала я, наблюдая за их реакцией. – Это правда?

– Вам-то что? – мельком скользнув по моей фигуре, сказала одна из девушек, симпатичная, в огромных очках в тонкой оправе, смотревшая на меня сверху вниз, – туфли у нее были на такой платформе, что ходить в них можно было только обладая определенными цирковыми навыками.

– Я репортер, – улыбнулась я. – Из газеты «Свидетель». Слышали про такую?

Оба юноши, и худой вихрастый блондин, и коротко стриженный крепыш в борцовке, уже смотрели на меня скорее с интересом, чем с неприязнью. Не знаю, что было этому причиной.

То ли упоминание о популярной в городе газете, то ли мои длинные стройные ноги. Юношеская сексуальная озабоченность – самая откровенная вещь в мире, как бы ни старались ее скрыть эти самые юноши. И напрасно, по-моему, стараются, – только теряют при этом свою непосредственность и свободу в общении.

На девушек я, напротив, не произвела никакого впечатления ни своей репортерской профессией, ни стройной фигурой. Они, наверное, тоже уловили реакцию юношей на меня, и эта реакция им очень не понравилась. Особенно той, в очках. Она наверняка была лидером в этой компании и не хотела уступать это лидерство никаким красивым «теткам», даже временно.

– И? – спросила она.

– Что «и»? – не поняла я.

– И что из того, что вы репортер?

Сказано было это таким тоном, что я почти услышала, как в голове у нее промелькнуло произнесенное ею вслух начало фразы: «Объясняю для бестолковых!» Я вздохнула. Не люблю связываться с людьми, которые бросаются защищать то, на что никто и не думает покушаться.

– Из этого следует одна очень простая вещь, – ответила я. – Если бы вы хотя бы иногда читали «Свидетеля», то сразу поняли бы, что мое появление здесь продиктовано не праздным любопытством. И быстро сообразили бы, что у нашей редакции есть своя версия относительно вчерашнего происшествия и она сильно отличается от той, которой придерживается милиция... А если конкретнее, то мы сомневаемся, что вчера здесь произошло самоубийство.

Вихрастый парень смотрел на меня с большим интересом, еще бы, я придерживалась той же версии, что и он. Правда, и во взгляде стриженного крепыша заметила не меньший интерес, но, кажется, больше к моим ногам, чем к моим словам. Я почему-то была уверена, что мальчишеский басок принадлежал именно ему.

Но оказалось, что я совершенно не права.

– Я же тебе говорил, не прыгала она! – произнес крепыш неожиданно для меня ломающимся тенорком. – Если бы сама прыгала – дальше бы улетела!

– А вы не могли бы мне показать, куда она упала? – спросила я, чувствуя, что с парнями у меня контакт уже установлен. Мне всегда гораздо труднее найти общий язык с девочками или девушками.

– А вон, смотри! – тут же воскликнул высокий вихрастый парень баском и, перегнувшись через ограждение, рукой показал куда-то вниз.

– Давай, давай! Сам еще прыгни, чтобы показать, как она летела! – насмешливо произнесла девушка в очках и пошла к лестнице. – Смотреть противно, как вы на нее облизываетесь!

– Я тоже пойду, да, мальчики? – робко спросила вторая девушка, не произнесшая до того ни слова.

– Топай! Догоняй очкастую! – напутствовал ее крепыш и повернулся ко мне. – Я ему только что объяснял, что, когда прыгаешь, отталкиваешься ногами. Даже если разбиться хочешь – все равно оттолкнешься, чтобы не на газон попасть, а на асфальтовую дорожку. Я не знаю, конечно, что думают перед смертью самоубийцы, но, наверное, она не хотела бы попасть на газонное ограждение... Прыгнула бы дальше.

– Я тоже не знаю, о чем думают самоубийцы, – сказала я, – если им так уж не хочется жить, какая разница – куда падать?

– А они об этом и не думают, – возразил крепыш. – Это у них само получается. Они же все равно боли боятся. И им кажется, что на ограду падать больнее, чем на асфальт. И еще они думают, что на газоне – не разобьешься насмерть, там земля мягкая...

«Какие глубокие познания психологии самоубийц! – усмехнулась я про себя. – Надо же!»

– Слушая тебя, можно подумать, что не один самоубийца тебе исповедовался перед смертью, – сказала я вслух. – Но в твоих умозаключениях есть одна маленькая неточность. Ты рассуждаешь, а им было не до того, чтобы рассуждать. У них в жизни была большая боль, чем та, которая ждала их там, внизу...

Я показала рукой вниз, где метрах в пяти от подъезда хорошо виднелось сверху темное пятно, которое внизу было незаметно. Я сразу поняла, что это и есть то самое место, куда упала Геля Сереброва.

– Так вы из этого дома? – вновь спросила я. – Всех здесь знаете?

– Почти всех, – сказал крепыш. – На пятом и седьмом две семьи недавно только сюда переехали, их я не знаю. А остальные давно тут живут.

– А здесь, на одиннадцатом, живет кто-то, к кому могла прийти эта девушка? – спросила я. – Ну, парни, девушки молодые?

– В сто двенадцатой живет парень, Славка, – сказал высокий. – Но у него мать всегда дома, она дома работает, цветы бумажные делает. Если к нему, то мать бы ее обязательно увидела.

– Да чего ты лепишь?! – возразил крепыш. – Славка как раз на Волгу уехал со своей Ленкой. Да и не стал бы он домой девиц приглашать. Во-первых, у него мать дома, во-вторых, он женится скоро, на Ленке.

– Ну и что, что женится! – возразил вихрастый. – Это ничего не значит. Может, он, наоборот, перед свадьбой погулять захотел?

– Да что он, совсем долбанутый, что ли? – возмутился крепыш. – Не дома ж он собирался...

Парень замолчал, взглянув на меня смущенно, и заметно покраснел.

– Подождите, ребята! – вмешалась я в их спор. – Давайте представимся друг другу, а то очень неудобно разговаривать. Меня зовут Ольга...

Я чуть было не добавила – «Юрьевна», но вовремя остановилась, почувствовав, что это сразу нас отдалило бы.

– Я Александр, – сказал крепыш. – А это Серый.

– Сам ты серый! – возмутился вихрастый и представился: – Сергей.

– Сережа, – сказала я, – со Славой, который жениться собрался, я все поняла, вряд ли эта девушка была его знакомой. Больше нет никаких предположений?

Тот наморщил нос и поджал губы, соображая.

– Ну, если только родственники ее тут живут, – сказал он. – А так больше вроде не к кому ей было идти. Ни парней, ни девушек никаких на одиннадцатом этаже, кроме Славки, нет.

– Родственников у нее здесь тоже быть не может, – сказала я уверенно.

– А почему это? – возразил басистый Сергей. – Ты-то откуда знаешь?

– Просто знаю, – ответила я. – И получается у нас с вами любопытная картина, парни! Оказалась она на одиннадцатом этаже не случайно, потому что не к кому ей тут было идти. Или кто-то из живущих здесь скрывает, что был с нею знаком.

– А зачем это скрывать? – пожал плечами крепыш Александр. – Что в этом такого?

– Да, собственно, ничего. – Я тоже пожал плечами. – Поэтому я и делаю вывод: оказалась она здесь не случайно. А вот одна она была или нет...

– Если ее столкнули, то не одна! – воскликнул Александр.

– Железная логика! Просто гениально! – усмехнулась я. – А если сама прыгнула, то одна! Верно? Конечно, верно! Только не совсем ясно, зачем нам над этим голову ломать? Правда?

– Так если она была не одна, – сделал открытие Александр, – ее и того, кто с ней был, мог кто-то видеть!

– Вот именно! – Я посмотрела на них многозначительно. – Милицию эта возможность не очень заинтересовала, потому что милиция не верит почему-то, что это не самоубийство. А я верю. И меня такая возможность очень интересует.

Парни смотрели на меня во все глаза, чувствуя, что я им сейчас что-то предложу. И они, конечно, не ошиблись. Им, живущим в этом доме, гораздо проще разговаривать с его жильцами, чем мне. Мало ли какие соображения могут быть у человека, чтобы скрыть то, что он видел, от чужого человека, проявляющего интерес к этому.

– Так вот, парни, – сказала я. – Вы мне можете очень помочь. Вы гораздо лучше меня знаете, кто из ваших соседей мог оказаться на улице или в подъезде в половине первого ночи. Мне, чтобы опросить весь дом, нужно дня два-три. А вам надо прежде всего хорошо подумать.

– Да мы за день это сделаем! – воскликнул Сергей. Он уже, как мне показалось, рвался принять участие в моем расследовании.

– Так вы мне поможете? – спросила я с надеждой в голосе.

– А если мы что-то узнаем, где тебя найти? – спросил Александр. – Телефончик оставишь?

«Парни есть парни, – подумала я. – Всегда трудно разобраться, что ими движет – психология или физиология. Впрочем, так ли это важно? Мы, женщины, можем этим пользоваться, ну и прекрасно. Все равно природу не переделаешь. Да и незачем».

– Телефончик я оставлю, – ответила я. – Но звонить для того, чтобы сообщить, что никого из свидетелей найти не удалось, лучше не стоит. Я иногда бываю очень несдержанна.

Оставив парням свою визитку, на которой я написала номер своего сотового телефона, я с ними распрощалась в надежде, что из этой моей авантюры с привлечением добровольных помощников что-нибудь и получится. Хотя и маловероятно.

А вот на следующий свой визит я надеялась гораздо больше. Подруги всегда знают что-то такое, что неизвестно ни отцу, ни матери.

Глава 4

К моему удивлению, адрес, по которому был зарегистрирован номер телефона, начинающийся на сорок четыре, оказался не в Заводском районе, где располагалась АТС с таким номером, а в центре города. Как могло такое случиться, я, честно говоря, не представляла, а потому решила не удивляться. Я и сама-то с этим человеком с телефонной станции познакомилась тогда, когда мне нужно было установить еще один телефон в редакции, и меня вывел на него один наш общий друг. Мне сразу была названа конкретная, хотя и не астрономическая сумма, я заплатила и через два дня в редакции стоял еще один телефон со своим номером. А то, что номер этот был подключен не к Волжской АТС, как наш первый редакционный номер, а к находящейся на другом конце города Кировской, меня вообще никак не интересовало. Телефон работал, и это главное.

Подруга Гели Серебровой Вика жила в центре Тарасова, в здании, где располагаются предварительные кассы Аэрофлота. Это в двух шагах от самого густонаселенного места в Тарасове – Центрального универмага и даже в пределах пешеходной зоны, тарасовского Бродвея, или, по-нашему, улицы Турецкой, где открытых кафе было, наверное, больше, чем уличных фонарей. Дом, адрес которого мне дали на телефонной станции, занимал целый квартал, на первом этаже располагались штук десять всевозможных магазинов и магазинчиков, а остальные семь были заняты жилыми квартирами. Дом был не стандартный, восьмиэтажный, постройки примерно пятидесятих годов.

Я решила не предупреждать Вику о своем визите, люблю, знаете ли, заставить людей врасплох, когда они на ходу пытаются сообразить, что мне от них нужно и все ли мне можно говорить. Но выяснить, дома ли она, не мешало.

Подойдя к нужному мне подъезду, я набрала номер телефона и после продолжительного ожидания услышала наконец тот же самый голос, который был записан у Ксении Давыдовны:

– Аллю?.. Кто это?.. Рустам, ты?.. Чего ты молчишь? У тебя телефон не работает!.. Если это ты, можешь не волноваться! Я одна, никого у меня нет. Я же тебе обещала... Давай приезжай скорей. У меня уже есть тут несколько человек... Ждут. И я жду... Если это ты, повесь трубку, когда я досчитаю до трех. Раз. Два. Три.

Я нажала кнопку отбоя. Оно и лучше, что эта Вика приняла меня за какого-то Рустама. Тем меньше шансов у нее будет связать мой визит с предварительным звонком. Мне не хотелось бы ее настораживать раньше времени.

Снаружи дом был покрашен, отремонтирован, особенно с выходящего на Турецкую фасада, словом – приведен в порядок, а вот внутри его не ремонтировали, похоже, с тех самых пятидесятих годов, когда он был построен. Краска на стенах в подъезде облупилась настолько, что трудно было угадать цвет, в который были выкрашены стены. Лифт был вообще исторической достопримечательностью, такие в Тарасове нечасто встретишь – с железной сетчатой дверью снаружи и с двустворчатой деревянной внутри. Кнопки пульта управления лифтом были наполовину выломаны, наполовину сожжены, наружу торчали голые контакты. Поразмыслив пару секунд, не слишком ли опасно для жизни нажимать такие кнопки пальцем и не лучше ли мне отправиться пешком по лестнице, я достала авторучку и нажала ее пластмассовым корпусом на кнопку пятого этажа. Лифт содрогнулся, вверх, на восьмом, что-то жутко лязгнуло, загудело, и кабина медленно поползла вверх. Я тут же сообразила, что пешком я добралась бы даже быстрее, но отступать было уже поздно. Пришлось терпеливо дожидаться, когда перед моими глазами проползут бесконечные четыре этажа и лифт все с тем же зловещим лязгом остановится на пятом.

Звонка на двери не оказалось, и пришлось стучать кулаком, так как дверь была обшита снаружи дерматином. Стучала я долго, и, если бы не уверенность, что Вика находится в квартире, я бы давно повернулась и ушла.

Но вот раздались шаги за дверью, и я услышала вполне естественный вопрос, на который у меня уже был заготовлен ответ. Не все, знаете ли, любят пускать в дом незнакомых людей, время сейчас не то.

– Кто там?

– Ну что же вы делаете! – воскликнула я возмущенно. – У меня вода с потолка течет! Это же безобразие, в конце концов! Ну сколько можно! У вас что, труба лопнула? Когда же это прекратится наконец! Откройте, или я с милицией сейчас приду! Я только недавно после вашего прошлого потопа потолок побелила!

В старых домах такие случаи – далеко не редкость, это мне прекрасно было известно. И, наверное, все соседи хоть раз, но затопляли друг друга. Единственной неточностью в моих фразах было утверждение, что опять случилась какая-то авария. Но поскольку на самом деле никакой аварии не было, меня должны были впустить, чтобы я убедилась, что я не права и никакая труба в этой квартире не лопнула.

Дверь действительно немедленно открылась, и я увидела замотанную в махровую простыню девушку с мокрыми волосами. Вид у нее был несколько растерянный.

«Сейчас ты у меня еще больше растеряешься! – подумала я. – Как только узнаешь, что это все – спектакль».

– У нас никакого потопа нет! – сказала девушка, отступая передо мной и пропуская меня в квартиру. – Это не мы вас затопили...

Я вошла в коридор, спокойно закрыла за собой дверь, накинула цепочку, обнаруженную мной на двери и, повернувшись к девушке, с тревогой глядящей на меня, сказала:

– Я знаю, что это не вы...

– Что вам нужно? – возмущенным, но заметно дрожащим от страха голосом спросила девушка, отступая передо мной по коридору. – Кто вы такая?

– Ну, сначала я хотела бы узнать, кто ты такая? – спросила я сурово.

– А меня Рустам попросил квартиру посторожить, пока он уехал, – бросилась Вика объяснять. – Он скоро вернется. Через пару дней. Вы заходите через два дня. Он приедет. А я не знаю ничего про его дела. Он меня попросил только пожить здесь несколько дней и все...

– Да ты присядь. Что ты трясешься-то! – сказала я. – Я же тебя и не спрашиваю пока ни о чем. Не волнуйся.

Мои фразы, как я и предполагала, ее не успокоили, а взволновали и испугали еще больше. Она уже успела пройти в кухню, уперлась ногами в табурет и, не глядя, села на него, едва не промахнувшись. Сидела она молча и только моргала округлившимися от страха глазами. Я давно сделала для себя вывод: если человек что-то скрывает и боится что-то рассказывать, то все остальное он мне обязательно выложит, нужно только вовремя его подталкивать.

– О Рустаме и его делах мы с тобой поговорим потом и не здесь, – многозначительно произнесла я. – К сожалению, дело не только в Рустаме.

Глаза Вики еще больше округлились. Она вцепилась руками в край табурета и не замечала даже, что простыня распахнулась и раскрыла ее небольшие, но очень соблазнительные, торчащие вперед груди.

– Так вот, Вика...

– Откуда вы знаете мое имя? – вздрогнула она.

Я усмехнулась.

– Я знаю не только это, – сказала я, внимательно и строго глядя ей прямо в глаза, словно следователь на допросе. – Я хотела бы услышать от тебя...

Я произнесла «от тебя» с подчеркнутой многозначительностью.

– ...когда ты в последний раз видела Ангелину Олеговну Сереброву?

Взгляд Вики заметался по кухне, видно было, что она в полной растерянности. И с Гелей, и с неведомым Рустамом ее связывало что-то такое, что она предпочла бы скрыть.

«Ну нет, милая, – подумала я, – ты мне сейчас все расскажешь!»

– Заранее предупреждаю тебя, – продолжала я на нее давить, – чтобы ты не пыталась ввести меня в заблуждение, многое мне уже известно. Но меня интересуют подробности. О чем вы говорили? Слово в слово. Весь разговор. И главное – как расстались? И где?

– Ну, да! Да! Мы с ней поругались! – воскликнула девушка. – И даже подрались немного. Она мне деньги принесла. Долг. Но не все. А мне самой нужно долги через два дня возвращать. Я настаивала...

– На чем? – спросила я резко.

Она опять вздрогнула и что-то забормотала нечленораздельно.

Я встала, подошла к ней вплотную и рывком сбросила простыню с ее плеч. Вика тут же съежилась на табуретке, словно ей стало очень холодно. Она тоскливо посмотрела на лежащую у ее ног на полу простыню, но не сделала попытки ее поднять. Просто сидела передо мной обнаженная, вцепившись пальцами в край табуретки, и дрожала.

– Откуда у тебя эта царапина? – крикнула я и ткнула пальцем в ее шею, где и в самом деле видна была свежая красная полоса. – Это следы от ногтей Серебровой? Это она держалась за твою шею, а ты разжимала ее руки, чтобы сбросить ее вниз?

Вика от моего вопроса резко качнулась назад и упала вместе с табуреткой на пол. Она не попыталась встать, а только прижалась голой спиной к батарее отопления под окном и сжалась в комок.

Я, конечно, сама нисколько не верила в такую версию. Дело в том, что Вика вряд ли смогла бы справиться со своей подругой. Человек, которого пытаются сбросить вниз с одиннадцатого этажа, не сопротивляется только в одном случае – если сам хочет умереть и только провоцирует кого-то другого сделать с ним то, что он не может сделать с собой сам. Если же он хочет остаться в живых, он отчаянно борется за жизнь. И далеко не каждый взрослый сумеет справиться с девушкой и без особого труда сбросить ее с лоджии. Тут пришлось бы потрудиться. Наверняка Геля цеплялась бы изо всех сил, удесятеренных близостью и страхом смерти. Попробуйте взять в руки кошку, выйти с ней на балкон и попытаться сбросить ее вниз. Даже не попытаться, а только сделать вид, что пытаетесь ее сбросить. Боюсь, что на руках у вас, а то и на лице живого места не останется от ее когтей... Человек не кошка и справиться с ним гораздо труднее, если, конечно, не застать его врасплох. Вика наверняка не смогла бы справиться со своей подругой.

– Экспертиза обнаружила у нее под ногтями остатки кожи. – Вика нужно было добить, и я добивала, она же сама сказала, что дралась с Гелей, царапина, похоже, и впрямь оставлена ногтями погибшей. – Я не завидую твоему положению... Можешь не отвечать, но не думаю, что этим ты улучшишь свои дела. Молчишь?.. Как хочешь.

Я вздохнула, словно была расстроена тем, что моя попытка хоть как-то облегчить ужасное положение, в которое попала Вика, провалилась, и достала из кармана свой сотовый телефон.

– Все! – заявила я. – Я вызываю опергруппу. Если хочешь молчать, то можешь молчать в камере сколько тебе захочется... Но учти, что в одиночку тебя не посадят. В сизо камеры переполнены. По двадцать человек находятся в камерах, рассчитанных на троих. И многие сидят там годами, пока идет следствие... Там любят красивых и свеженьких. Таких, как ты. Ты знаешь, что такое женщина, просидевшая пару лет в тюрьме? Знаешь, что тебя ждет в первые же часы твоего пребывания в камере? То же самое, что ждет каждую новенькую. Из-за тебя будут драться женщины. Из-за того, кому ты будешь принадлежать, чьей наложницей станешь. Тебя быстро научат быть послушной и ласковой, и ты поймешь, что лучше не сопротивляться и делать то, что тебе приказывают.

– Замолчите! Я прошу вас! Замолчите! Я не хочу этого слушать! Я все расскажу! Только замолчите! Замолчите! Я не хочу!

«Вот так-то лучше, дорогая моя! – подумала я. – Теперь ты мне все расскажешь. И о Геле, и о своем Рустаме».

Я достала пачку «Winston», закурила, подняла с пола простыню и швырнула ее Вике. Сотовый телефон я все еще держала в руке, как напоминание о грозящей ей опасности, от которой ее может сейчас спасти только абсолютная искренность и откровенность. Некоторые угрызения совести я, конечно, испытывала, запугивая эту неизвестно в чем виноватую девочку, но... Мне нужен был результат. Я не представляю, как добиться того, что тебе нужно, и остаться абсолютно чистым. Такое бывает только в наивных до тошноты книгах и фильмах, но не в жизни. Романтический период у меня давно закончился, розовые очки, в которых я появилась в Тарасове, приехав из своего родного заволжского Карасева, давно потерялись в гонке и давке современной городской жизни. И я нисколько об этом не жалею, выбрав для себя трезвый, хотя и не очень порой приятный реализм. В конце концов, девочке тоже неплохо было бы научиться отличать настоящие опасности от мнимых и не поддаваться, когда ее «берут на пушку», как это сейчас проделала с нею я.

– Хватит истерики! – жестко сказала я, зная, что малейшая мягкость с моей стороны тотчас спровоцирует ее на слезы, сопли и обмороки. – Если тебе есть что сказать, говори! Когда ты в последний раз видела Сереброву?

– Она приходила ко мне позавчера! – заторопилась Вика, почувствовав в моем голосе обещание избавить ее от грядущих ужасов. – Но мы встречались с ней здесь, в этой квартире! И она ушла от меня одна! Я не пошла с ней и не знаю, как она оказалась там... В том доме, на одиннадцатом этаже. Я только сегодня узнала о том, что она умерла, из новостей по телевизору. Я тут ни при чем! Мы подрались с ней здесь! Из-за денег. Она покупала у меня травку и кокаин. И часто брала в долг, когда не могла заплатить сразу...

«Вот так фокус! – Я едва сумела проконтролировать свое лицо, чтобы удержать брови от удивленного движения вверх. – Похоже, я не зря ее терзала. Ну-ка, ну-ка, давай, девочка, дальше!»

– Она принесла только двести долларов, – продолжала Вика, – а должна была – четыреста. А мне самой нужно отдавать Рустаму аванс за новую партию. Он через два дня привезет из Казахстана.

«Еще лучше! – подумала я. – По-моему, ты, милашка, получила по заслугам, а то еще и маловато. Во всяком случае, жалеть тебя не стоит».

– Ну, я ей предложила опять тот же самый вариант, – продолжала Вика, решившая, похоже, ничего теперь от меня не скрывать, – как со мной расплатиться. Она однажды жила у Рустама два дня, когда у нее денег не было. Ну, отработывала мне долг. Я Рустаму сказала, что я ей заплатила, что может пользоваться ею, как хочет. А ей не понравилось то, что он заставлял ее делать. Она вообще-то сама была такая – кого хочешь заставит делать то, что ей надо. Командовать любила. В тот раз я ее просто к стенке приперла, сказала, что родителям расскажу, что она торчит часто. Ей отец денег тогда перестал бы давать. Она и согласилась Рустаму обслужить. Родителям сказала, что на Волгу поехала с друзьями, а сама здесь была – у Рустама. А я те два дня от него отдохнула, действительно на Волгу съездила. Он же такой козел ненасытный...

Она всхлипнула и уткнулась лицом в свою простыню. Но мне было недостаточно того, что она рассказала, и заканчивать нашу беседу я пока не собиралась. Кое-какие подробности взаимоотношений Гели с отчимом я уже уточнила. Например, он, сетуя на свои редкие встречи с приемной дочерью, так и не удосужился мне сообщить, что регулярно давал ей деньги. Для этого им как минимум нужно было столь же регулярно встречаться друг с другом. Интересно, – и много он ей давал на карманные расходы?

– Ты знаешь, какую сумму отец обычно давал Геле? – спросила я Вику.

Она подняла голову и кивнула.

– Конечно, знаю, – сказала она. – Геля последнее время все их мне приносила. За «дурь» расплачивалась. Каждую неделю – двести долларов.

«Неплохо, однако, – подумала я. – Двести баксов на карманные расходы для сопливой девчонки. Совсем неплохо. Что-то не похоже даже на карманные расходы. Может быть, тут что-то другое? Что? Может быть, он ей платил за что-то? Но за что? Гадать можно сколько угодно...»

– Но последнее время Геле не хватало двухсот в неделю, – продолжала объяснять Вика. – Она брала у меня в долг, а мне-то приходилось расплачиваться, Рустам в долг никогда не дает. Я уже у него и так постоянно живу. А он еще и следит за мной. Чтобы я ни с кем больше, значит, кроме него... Так что же! За нее расплачиваться! Один раз ее саму заставила, хотела опять то же самое сделать. А она меня сразу ударила. Ну, и подрались. А потом она сказала, что скоро пошлет меня... Ну, в смысле, перестанет со мной дело иметь. Ей нужно только какое-то дело провернуть, она сказала...

– Какое? – тут же спросила я. – Она сказала, какое дело?

Вика помотала головой.

– Нет, – ответила она. – Я даже не поняла, что она имеет в виду. Она вообще последнее время какая-то странная была. Уставится в одну точку и сидит так. По полчаса могла так сидеть, не двигаясь. И резкая стала, жесткая. Она и раньше, правда, была не подарок. А последнее время – совсем уж.

– Когда это началось? – спросила я.

– Недели три назад, наверное, – ответила Вика, которая заметно успокоилась оттого, что рассказала мне большую часть своих тайн и ничего страшного с ней пока не произошло. Остальное ей рассказывать теперь гораздо легче. На этот обман, заключающийся в разрыве во времени между признанием в преступлении и наказанием, следователи часто ловят неопытных и психологически слабых преступников. Но Вику я пока и в самом деле не собиралась сдавать милиции. Она мне могла еще пригодиться.

– Теперь о себе, – приказала я ей. – Кто такая? Где родители? Много ли у тебя клиентов? С кем из поставщиков, кроме Рустама, работаешь? И без вранья. Если хоть что-то не совпадет с той информацией, что у меня уже есть, я тебя выгораживать не буду.

Вдохновленная таким моим скрытым обещанием ее «выгораживать», Вика принялась вываливать мне все, что только можно было сказать о себе, не стесняясь подробностей.

Полное имя Вики – Виктория, «что значит – победа!» – добавила она мне с непосредственной наивностью. Но это ее не настоящее имя. На самом деле ее зовут Оксана Комарова. Приехала в Тарасов из Камышина Волгоградской области с четко сформулированной жизненной задачей – покорить мир. Начать решила с Тарасова. Поступила на физический факультет тарасовского университета потому, что в Тарасове конкурс был гораздо меньше, чем в Волгограде. С раннего детства считала себя звездой, которой скоро предстоит блеснуть. А вот где она будет блистать, Вика представляла себе очень туманно. Но обязательно там, где много денег и поклонников. Она еще не решила, по какой именно из лестниц она будет карабкаться на жизненный Олимп. Впрочем, «карабкаться» – это мое слово, она выразилась по-другому. «Я знаю, что я взлечу! Обязательно взлечу! Я еще не выбрала – как, но это будет! Я уверена». На физфаке Вика продолжает учиться только для того, чтобы получить диплом. Хотя ее гораздо больше интересуют дипломы совсем другого рода. Вика несколько раз принимала участие в конкурсах красоты разного уровня, но не выше регионального поволжского «Мисс Волга». Выше пятого места ни разу не заняла. Один из спонсоров, который финансировал ее участие в конкурсе «Мисс Тарасов», посадил ее на иглу. После этого она нашла Рустама и пристроилась к нему, расплачиваясь за наркотики частью натурой, частью тем, что перепродавала взятую

у него в долг наркоту своим подругам, которых сама же и приучала. Так и Гелю на крючок посадила... Но даже сейчас, несколько раз испытав разочарование в своих планах, набив уже немало шишек, она не изменила своего мнения о себе. Она по-прежнему считает себя способной покорить весь мир только своим темпераментом и внешними данными. Это у нее, конечно, детское представление, сохранившееся с того возраста, когда ребенок считает себя подарком не только для своих родителей, но и для всех окружающих. Родители ее, кстати, остались в Камышине, мать – художник-оформитель на небольшом заводике, выпускающем крышки для консервирования, отец работает то сторожем, то дворником, то нанимается к кому-нибудь огород копать, а в общем-то пьяница. Ни капли любви к своим родителям в ее словах и интонациях я не заметила, только иронию и даже насмешку, пожалуй... Теперь у нее новый жизненный проект. После того, как из нее не вышла эстрадная певица, – оказывается, она и этот вариант пробовала – Вика решила стать артисткой и скоро уедет в Москву, на «Мосфильм», или в Сочи на «Кинотавр», да денег на билет пока нет. Но кто-нибудь этот ее проект обязательно профинансирует. Она вот только разделается с Рустамом и найдет себе кого-нибудь посolidнее и побогаче.

– Ладно, детка, – сказала я ей, решив ее еще немного успокоить и обнадежить, чтобы наше с ней расставание не вызвало у нее недоумения, – я тебе, пожалуй, верю, что ты не стеснилась Гелю с одиннадцатого этажа. Но мне нужно будет убедить в этом и других. А с теми уликами, которые против тебя имеются, сделать это очень трудно. Поэтому вспоминай очень подробно тот вечер. Любая ничтожная и неважная на первый взгляд мелочь может оказаться для тебя спасительной.

Вика помолчала минуту, но потом помотала головой и сказала:

– Я не знаю, что говорить. Вы спрашивайте, а я буду отвечать. Я так лучше расскажу.

– Хорошо, – вздохнула я. – Тогда скажи, как ты относишься к версии о самоубийстве Серебровой? Она могла сама это сделать?

– Гелька?! – искренне удивилась Вика. – Да никогда! Это мамаша ее тихоней считает. А эта тихоня одной девчонке с мехмата лицо испортила, когда они в туалете подрались. У той шрам теперь остался.

– Из-за чего подрались? – спросила я.

– Да в том-то и дело, что ни из-за чего. Гелька в туалет шла курить, а та в дверях стояла. Может, и нарочно. Тоже – крутую из себя строила. Ну, Гелька сказала, где ей больше подходит торчать. Та ответила. Гелька ей по морде дипломатом. Нос сломала. Разбираловка целая была. Но на Гельку никто не сказал из тех, кто видел, не хотели с ней связываться. А Гелька сказала, что она в это время с парнем была в спортзале. Парень подтвердил. Так та дура ни с чем и осталась.

– Давно это было? – спросила я.

– Да с полмесяца уже, – сказала Вика, наморщив лоб. – Я же говорю, она последнее время совсем психованная стала. Правда, один раз я снимала ее с окна, когда мы вместе ширнулись, она вдруг заявила, что она ангел и полетит на небо. Сначала просто руками махала, а потом в окно полезла. Весь кайф мне сломала тогда, у меня даже прошло все, как я это увидела. Но только она потом улыбалась как-то нехорошо, когда я ее от окна оттащила. Может, и притворялась, спектакль мне устраивала. Она любила дергать за ниточки, управлять другими, как куклами.

– Ты сказала, что последнее время она была «психованная», как ты выразилась, – спросила я, вспомнив о Косовиче. – Она ни к какому врачу не ходила в связи с этим?

– Нет, – покачала головой Вика, – не слышала... Она говорила только как-то раз, что у ее отца есть какой-то врач, психолог. Или у матери, не помню точно.

– Ладно, оставим это, – перебила я ее. – У нее был парень? Ты говорила что-то о спортзале...

Вика округлила на меня глаза.

– Да у нее их больше, чем у меня, было! – воскликнула она, словно мне хорошо были известны все ее амурные дела. – А тот, в спортзале, это так... Она с ним только трахнулась пару раз за то, что он ее выручил. А так она всегда сама парней выбирала и брала их сама. Любого могла заставить с собой пойти, да и что их заставлять-то. Они всегда готовы... Правда, за Гелькой все они долго потом бегали и дрались друг с другом. А она последний месяц только с одним ходила. Какой-то американец, говорит. Трахается классно, у нее вроде бы еще не было такого парня никогда. Но это она, по-моему, меня дразнила. Она мне всегда в нос тыкала, что у нее все и всегда лучше получается и все лучшее – ей достается. Я, честно говоря, ее за это иногда просто ненавидела.

– Как зовут этого американца? – спросила я.

– Не знаю, – покачала головой Вика. – Я его видела всего один раз. Она приказала мне звать его «бой», и все. А он только смеялся и запросто отзывался на эту кличку. По-русски, кстати, этот американец говорит практически без акцента.

– Опиши мне, как он выглядит, – потребовала я.

– Ну... Высокий, волосы светлые, но не очень... – начала Вика и вдруг встрепенулась и попыталась даже вскочить на ноги, но тут же испуганно посмотрела на меня, словно спрашивая разрешения.

– Куда ты? – жестко спросила я.

– У меня фотография его есть, – пробормотала она. – Я хотела принести.

– Неси! – разрешила я, с трудом веря в свою удачу.

Фотографию Вика искала в каких-то книжках минут пять, перевернула всю свою одежду, но в конце концов разыскала ее в журнале «Космополитен». Я на всякий случай прошла с нею в комнату, где царил жуткий беспорядок, и не выпускала ее из своего поля зрения. Мало ли какие сюрпризы может преподнести мне это невзшедшее еще светило. Может быть, у нее не только наркотики, но и оружие имеется? Никаких дырок ни в одной части своего тела я не хочу иметь. Поэтому лучше для нас обеих, если я своим присутствием избавлю девочку от искушения.

Но фотография наконец отыскалась, и Вика протянула ее мне.

– Вот он! – сказала она. – Тот самый американец. Это мы две недели назад снимались, когда Геля им передо мной хвасталась. А это мы с Гелей. На Турецкой, возле фонтана.

Парня я узнала сразу же!

Секунды три я вспоминала, где я его видела, и у меня тут же в голове возник роскошный холл второго этажа в фирме «Терция» и уставившийся в пространство молодой человек, которого я приняла за охранника. Теперь я уже была не уверена, что он и в самом деле охранник. Просто есть такой факт – он сидел в приемной, вернее, рядом с приемной отца Гели. И он был тем самым парнем, с которым Геля – как это сейчас молодежь выражается, «ходила»? – так вот, с которым Геля ходила последнее время. Факт этот требовал осмысления и интерпретации, и пока больше ничего. Но до того, как я буду располагать необходимой информацией для того, чтобы понять этот факт, мне, пожалуй, следует воздержаться от выводов. Преждевременные выводы – самая типичная ошибка в любом расследовании, это я по себе знаю, уже прокалывалась на этом. Теперь стараюсь не спешить.

Только внимательно рассмотрев парня, я перевела взгляд на стоящих рядом с ним девушек. Интересовала меня, конечно, только Геля. Выглядела она совсем не так, как на фотографии, которую показывала мне Ксения Давыдовна. Это был другой человек, если можно так выразиться. Девушка, стоявшая с подругой и парнем между фонтаном и открытым кафе на улице Турецкой, не имела ничего общего с «тихим ангелочком».

Я хорошо помнила девушку на фотографии, которую показала мне мать погибшей. Я бы назвала ее красивой. Без преувеличения. Даже, пожалуй, очень красивой. Спокойные, мягкие

черты, кроткое выражение лица, задумчивый взгляд, словно она видит то, что другим не дано видеть. Честно сказать, на той фотографии она очень была похожа на «ангелочка», красивого, осененного высшим, недоступным другим блаженством. Девушка с той фотографии не могла бы даже зло посмотреть на кого-нибудь, не то что ударить.

На фотографии, которую показала мне Вика, я в первый момент ее не узнала. Девушка, снятая на ней, сошла бы скорее за ее сестру. Очень похожее лицо, те же большие, слегка раскосые глаза, тот же высокий лоб, тонкий нос и полные губы, но выражение этого лица полностью его преображало. Никакой тихой благости на нем и следа не было. Девушка, стоящая между Викой и парнем, хорошо знала, что она красива, и знала, как это действует на окружающих. Это можно было прочесть по ее слегка ироничному и в то же время обещающему взгляду. Она была свободна и сильна в ощущении своей свободы. Свободна до жестокости, до безразличия к чему бы то ни было. Глядя на эту фотографию, я даже вспомнила какую-то не очень мне понятную фразу, связывающую свободу и самоубийство. Кто-то из философов говорил, что положительной формы абсолютной свободы не существует, а вот отрицательная ее форма – это самоубийство. Я в свое время долго билась над ней, пытаюсь разобраться, но так и оставила эти попытки. А сейчас, когда я смотрела на фотографию Гели, мне показалось, что я что-то поняла, по крайней мере, вторую часть высказывания того философа: что эта умершая вчера девочка была свободна настолько, что ее ничто не держало в жизни. Впрочем, это мне могло показаться. Я слишком плохо знала, как и чем жила Геля Сереброва. Да и никто из окружающих ее людей, как я теперь начинала понимать, не знал ее достаточно хорошо, чтобы составить о ней полное, адекватное представление.

Стоящий справа от нее парень ни капли не был похож на американца. Он ничем не отличался от парней на Турецкой.

– Он в самом деле из Америки? – спросила я Вику.

– Откуда же я знаю, – ответила она. – Гелька не давала мне с ним говорить, все время его на себя переключала. Она это умеет... Умела то есть... Мне так и не удалось его расспросить. Хотя очень любопытно было. Гелька утверждала, что он из Америки... Только вот странно... Это она мне потом сказала, когда на следующий день пришла мои впечатления узнать. А тогда даже заикнуться об Америке мне не давала. А говорит он скорее как прибалт, и то с очень легким акцентом, не заметно даже. Если б меня Гелька не предупредила, что он американец, я и не заметила бы сроду.

– Как она относилась к матери? – спросила я. – Об этом у вас когда-нибудь заходил разговор?

Вика пожала плечами.

– Обычно, – сказала она. – С раздражением.

«Ничего себе, обычно! – подумала я. – Отстала я от жизни, однако. И слава богу, пожалуй!»

– Подробнее! – потребовала я, напомнив Вике о распределении между нами ролей, о чем она, похоже, начала подзабывать.

– Я плохо помню, – забормотала она, наморщив лоб. – Говорила она когда-то, как только мы с ней познакомились, что не может чего-то матери простить. Что-то такое она не должна была делать... Ксения Давыдовна то есть. Но что именно, она мне не сказала. Это был ее секрет. А потом больше об этом не говорила, но про мать всегда с раздражением вспоминала.

– А про отца? – спросила я. – Про отца она что-нибудь говорила?

Вика усмехнулась.

– С чего бы это она стала про отца плохо говорить? – сказала она. – Не знаю, как уж она его уговорила, но он ей каждую неделю по две сотни баксов отваливал, а иногда и больше, как позавчера например. А она мне не захотела долг полностью отдать. Из-за этого и подрались.

– И сколько же у нее было денег? – спросила я, очень заинтересованная новым обстоятельством.

– Точно не знаю, – ответила Вика. – Но пачку мне она толстую показывала, дразнила. Несколько тысяч баксов, наверное.

– Их ей отец дал? – спросила я.

Вика кивнула.

– Гелька сказала, что отец. Я еще спросила, как это он раскошелился? А она засмеялась и сказала, что просить надо уметь. И что я этому никогда не научусь, потому что...

– Что потому что... – подтолкнула я ее. – Потому, что я тупая дура, – пробормотала Вика. Я засмеялась.

– Ну это она преувеличила. Правда – немного, самую малость. Наверное, ты и драться полезла потому, что почувствовала, что она в чем-то права.

Вика сверкнула на меня глазами, но ничего не сказала.

– Ладно, оставим это, – усмехнулась я. – Меня твои обиды не интересуют. Интересует меня вот что. Я уверена, что Геля не сама себя убила. Это было не самоубийство, а самое настоящее убийство.

Вика смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых я читала, однако, не удивление или несогласие, а желание высказать свою версию вчерашнего события. Я, конечно, предоставила ей возможность высказаться.

– Ну, что ты по этому поводу думаешь? Кто бы мог ей помочь вчера упасть с одиннадцатого этажа?

– Американец! – выпалила она. – Этот парень!

Она ткнула пальцем в фотографию.

– Объясни! – потребовала я. – Почему именно он?

– А что тут объяснять! – заволновалась Вика. – Гелька сама мне говорила, что встречается с ним несколько месяцев, хотя раньше я его никогда и не видела. Но она всегда скрытная была. Так вот после той прогулки, когда мы сфотографировались, она прибежала ко мне на следующий день ширнуться и сказала...

Голос ее почему-то понизился до шепота, наверное, она бессознательно воспроизводила то, как ей сообщала это сама Геля.

– ...что беременна от него. Что заставит его на себе жениться и уедет с ним в Америку. У него, она говорила, денег навалом.

– И ты поверила? – усмехнулась я. – Обычный треп, чтобы тебя позлить.

– Может быть, и треп, – ответила Вика. – Но я помню, как она голову к потолку запрокидывала и как у нее глаза блестели, когда она про это рассказывала...

– Ну, хорошо, ладно, пусть не треп, – согласилась я. – Ну и что же из этого?

– Как – что! – возмутилась Вика. – Да на фига ему с его деньгами на Гельке жениться, она же отнимет у него все деньги и самого выгонит! Это же не трудно понять, когда ее узнаешь получше. А если она с ним несколько месяцев встречалась, он мог и сообразить, чего она от него хочет! Не совсем же дурак!

– Ну, это еще неизвестно, – пожала я плечами. – Мог сообразить, а мог и не сообразить. Кроме этих соображений, доказательства у тебя есть?

Она молча помотала головой.

– Ладно, – сказала я. – Тогда давай свой паспорт. Я тебе объявляю подписку о невыезде. Из Тарасова чтобы – ни ногой. Все равно не спрячешься. Сидеть будешь тихо и о нашем разговоре – никому! Поняла? Особенно Рустаму и родителям Гели. Ни слова! Ты мне сегодня помогла, и я помогу тебе, если ты будешь вести себя правильно. Надеюсь, ты хорошо меня поняла?

Окончательно поверившая в то, что отделалась легко, Вика расслабилась, разревелась и принялась растирать по лицу слезы кулаками.

– Паспорт! – напомнила я.

Продолжая всхлипывать и вздрагивать плечами, она достала из стоящей под столом сумочки свой паспорт и протянула мне.

– Жить пока будешь у Рустама, – сказала я ей. – Если он будет тебя выгонять, позвонишь «02» и сообщишь дежурному, что он наркодилер. Если не хочешь неприятностей, про свои дела с наркотиками не упоминай. Если мне понадобится, я сама тебя найду. Все! Привет Рустаму!

Нагрузив ее таким образом, я поспешила из квартиры. Дверь за мной захлопнулась с треском, как будто Вика надеялась, что с закрытой дверью будет чувствовать себя спокойнее. Но я-то знала, что никакого спокойствия на душе она теперь не дождетсЯ. И не только потому, что теперь о ее делах с наркотой знает еще кто-то, кроме заинтересованных, так скажем, лиц. Очень скоро она сообразит, что даже не спросила меня, кто я и какую структуру представляю. И тут же сообразит, какую глупость сморозила, поддавшись моим угрозам. И, конечно же, вспомнит слова Гели о том, что она «тупая дура», и почувствует, что она была на сто процентов права. Какое уж после этого спокойствие...

Лифтом я, конечно, не воспользовалась, предпочтя спуститься по лестнице. Не люблю чувствовать себя в клетке, а его зарешеченная кабина очень напоминает клетку. Кое-что во вкусе свободы я тоже понимаю.

Глава 5

Я читала Фрейда и хорошо помню все его толкования символов сна. И про лестницы, и вообще про ритмические движения тоже помню. Но я с ним категорически не согласна! У меня всегда возникают совсем другие ассоциации, когда я думаю о лестнице. Это просто путь к какой-то цели. Или высокой, или низкой. Я уверена, что мое толкование образа лестницы более точное, чем у Фрейда. Я себе уже не раз доказала это. Дело в том, что, когда я спускаюсь по лестнице или поднимаюсь, не имеет значения, голова моя всегда работает четко, мысли сами складываются в логические схемы и приводят меня к выводам, которые я не могла бы так быстро сделать, идя по ровной поверхности.

Пока я спускалась с пятого этажа, я успела уложить в голове всю полученную мной только что информацию и определила для себя несколько главных направлений дальнейшего расследования.

Во-первых, я хотела убедиться, не врет ли мне Вика. Теоретически у нее мог существовать мотив для убийства Гели Серебровой. Причем мотив комплексный, в котором сочетаются психологические причины с чисто меркантильными. Ей нужно было расплатиться с Рустамом за наркотики. Если она живет у него постоянно, значит, должна много. Или очень много. Иначе давно бы уже расплатилась. А Геля показывала ей толстую пачку денег... Кстати, куда они делись, эти деньги? Ксения Давыдовна ни словом мне не обмолвилась, что при Геле были найдены деньги. Могла, конечно, и милиция позариться на такую сумму. А могло их при ней уже и не быть. Да, вопрос пока повисает без ответа.

Впрочем, я отвлеклась. Если денег у Гели найдено не было, это может означать, что их у нее отняла Вика и помогла своей подруге расстаться с жизнью. Это решило бы ее проблему с Рустамом, а кроме того, избавило бы от насмешек со стороны Гели. Правда, я в ее голосе особой ненависти не услышала, когда она рассказывала о подруге, но на «тупую дуру» она, по-моему, очень болезненно отреагировала. Могло бы это стать для нее поводом к убийству? Вряд ли. Но в сочетании с материальным мотивом – вполне могло бы.

Остановившись на четвертом этаже, я достала сотовый телефон и набрала номер редакции.

Трубку сняла моя секретарша Марина.

– Мариночка, радость моя, найди мне срочно Ромку! – воскликнула я, едва услышав ее голос. – Очень нужен!

– Простите, кто это? – опешила Маринка. – Ольга, ты, что ли? Что с тобой...

«Нет, туго все-таки Маринка иногда соображает, – подумала я. – Да ничего со мной не случилось. Вылечилась я от скуки и апатии, только и всего. Незачем мне напоминать о них!»

– Ольга! Прости, не узнала! – словно в ответ на мои мысли воскликнула Маринка. – Сейчас найду! Он здесь, рядом. Сейчас трубочку ему передам.

«Зря я так про нее, – тут же раскаялась я. – Все сообразила, молодец!»

– Алло! Оля, это Рома, – услышала я голос моего воспитанника, которого я с большим трудом отучилась наконец бессознательно принимать за своего сына. – Ты где?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.